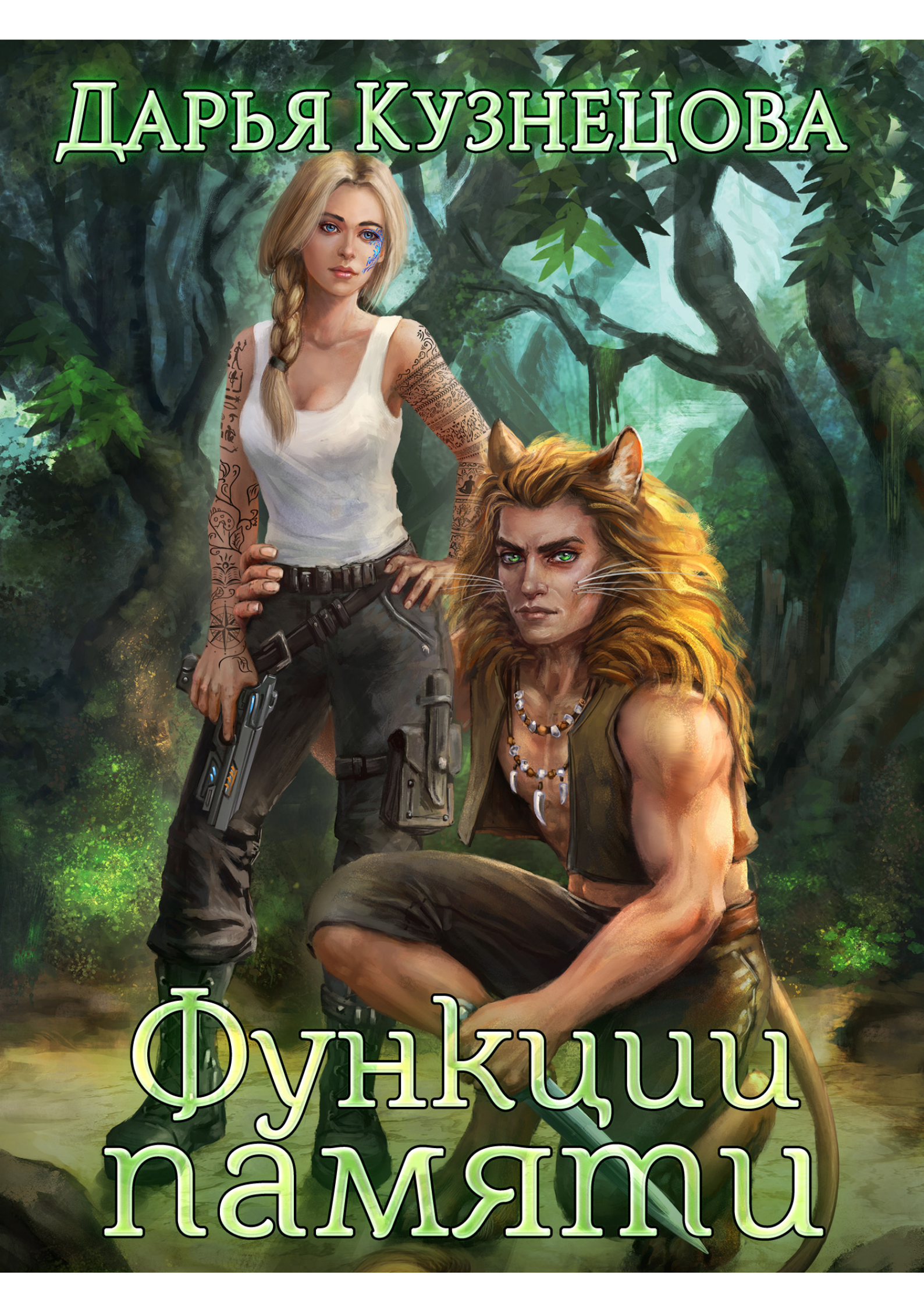

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА

Функции
памяти

Солнечная империя

Дарья Кузнецова
Функции памяти

«Дарья Кузнецова»

2023

Кузнецова Д. А.

Функции памяти / Д. А. Кузнецова — «Дарья Кузнецова»,
2023 — (Солнечная империя)

Пять лет назад жизнь молодого археолога Тамары Ивановой резко изменилась. Тогда на планете Индра при загадочных обстоятельствах погибла почти вся экспедиция, исследовавшая древний храм, а вчерашняя студентка – чудом выжила. Три года назад жизнь Тамары изменилась снова: появились сны о той планете и том храме. И о мужчине, чьего лица она ни разу не видела. Не найдя помощи у врачей, девушка решилась на безумный шаг: вернуться к точке, в которой всё началось. И жизнь её опять изменится. Вот только как именно? И будет ли Тамара к этому готова?

© Кузнецова Д. А., 2023

© Дарья Кузнецова, 2023

Содержание

Глава 1. Индра	5
Глава 2. Проводник	18
Глава 3. Переправа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дарья Кузнецова

Функция памяти

Глава 1. Индра

Привычная чернота перед глазами сегодня пахла душно, влажно, жарко, пряно – возбуждением, тропическим лесом и шелестящим где-то совсем рядом дождём. Под коленями и руками – прохладная гладь простыни на жёстком матрасе. Сегодня *Он* не дал мне ни единого шанса коснуться, хотя бы попытаться это сделать. Ощутить, какова его кожа, руки, волосы...

Он никогда этого не позволял. Непреложный закон, с которым я никак не желала смириться.

Крупная, сильная ладонь удерживала за плечо у основания шеи. Крепко, не вырваться, но – мягко, аккуратно, не причиняя боли. Он вообще был очень нежен и осторожен, когда я не пыталась нарушать правила.

Правило, одно: не пытаться коснуться в ответ, не пытаться понять хоть что-то, запомнить, узнать. Впрочем, и наказание следовало всегда одно, связанные руки. Не больно, не страшно, но... как же злит!

Сейчас же меня такой возможности лишили с самого начала, выбором позы. А вскоре вопросы совершенно перестали беспокоить, мысли сделались вязкими, медленными. Пальцы цеплялись за простыни, и вместо слов и вопросов в пустоту, которые я давно уже перестала задавать, с губ срывались стоны. Потому что, продолжая удерживать одной рукой, второй Он меня ласкал.

Умело, уверенно, зная моё тело лучше меня самой, как знает свою скрипку музыкант-виртуоз. Зная, когда нужно быть пронзительно-нежным и измучить долгим ожиданием финала, а когда – вовсе обойтись без прелюдии. И нервы дрожали под его пальцами натянутыми струнами, а каждое касание открывало новую грань наслаждения.

Иногда я ненавидела Его за эту чуткость и безупречность, за то, что никогда не причинял боли и дарил только удовольствие. Хотелось ненавидеть хоть за что-то, лишь бы не начать испытывать другие чувства. Потому что не хотелось ещё больше сойти с ума.

Когда я окончательно потерялась в ощущениях и могла только умолять о большем, его ладонь мягко поднялась по моему бедру, на мгновение сжала ягодицу, легла на копчик, скользнула к талии. Растопырив пальцы, он, кажется, накрыл мою поясницу целиком. Надавил, заставляя прогнуться, и...

– Доброе утро, госпожа Иванова! – приятный женский голос прозвучал под потолком, потому что я не стала подключаться к корабельной сети. – Завтрак будет подан через пять минут. Через сорок минут лайнер войдёт в атмосферу Индры, сходящим пассажирам необходимо собраться для посадки в челнок на седьмой палубе, выход номер шесть.

Короткий монолог корабельного искина заставил медленно и неохотно вернуться в действительность. В которой нашлись только пустая крошечная типовая каюта и тягучее, вязкое, ноющее чувство неудовлетворённости.

Крепко зажмурившись, я грязно выругалась в голос, пару раз стукнула кулаками по койке, потом ещё разок для верности затылком и заставила себя подняться на ватные и подрагивающие ноги. Тело категорически отказывалось верить, что всё приятное было просто сном и закономерного продолжения не последует.

Ну вот почему именно сегодня и именно сейчас мне не могло присниться что-нибудь другое?! Мало того, что единственный мужик в жизни – виртуальный, так и с ним всё наперекосяк!

На трёх квадратных метрах каюты умещалась койка, над ней – полка для вещей. Почти всё оставшееся пространство занимала санитарная кабина, а перед ней имелся малюсенький пятачок свободного пространства, на котором можно было только развернуться. Тесно, но для перелёта – более чем достаточно, размять ноги можно и на какой-то из палуб лайнера.

В кабину я сразу и втиснулась, чтобы успокоить разгорячённое фантазиями тело и смыть вполне реальный пот. Когда вывалилась из неё, столик был уже разложен, на нём дожидались высокий стакан с витаминным коктейлем и большая, поделённая на секторы тарелка с завтраком. Кормили тут вкусно и плотно, благодаря чему перелёт становился ещё менее обременительным.

Пока завтракала, пробудила прикосновением к виску шимку¹ и всё-таки подключилась к сети. Просмотрела последние новости, запаслась прогнозом погоды по Индре на ближайшие пару дней. Дольше бессмысленно: на Земле-то прогнозы недостоверные, а уж эту планету никакими средствами не предсказать.

Сбросила ниочёмно-бодрое сообщение для мамы – отчитаться, что жива-здорова. Грамотную переадресацию мне наладил один хороший человек ещё на Земле, так что сообщения к родным будут приходить совсем с другого корабля, а потом и с другой планеты: пусть продолжают думать, что я просто улетела отдыхать. Это как раз тот случай, когда спокойный сон родных стоит маленькой лжи.

Я их искренне люблю, они меня тоже, но от одного только слова «Индра» у отца начинает дёргаться глаз, а мама заметно бледнеет. С этой планетой у нашей семьи связаны не самые приятные воспоминания: пять лет назад я здесь чудом не погибла. Моего стремления вернуться не оценил бы никто. Нет, запирать бы, конечно, не стали, не звери же они, но... В общем, так всем спокойней.

Пять лет назад на Индре при загадочных обстоятельствах погибла археологическая экспедиция, исследовавшая древний и удивительно хорошо сохранившийся храмовый комплекс. Не вся, но существенная её часть. Выжили только те, кто находился во время происшествия в лагере. И я. Вчерашняя студентка, которую обнаружили в совсем другом конце храма без сознания, залитую чужой кровью.

Куда делась пара охранников, они ли убили остальных, почему я выжила – узнать так и не удалось. Официальная версия возлагала вину на пропавших. Мол, наёмники оказались нечисты на руку и решили присвоить какие-то ценные находки экспедиции. Для очистки совести их даже объявили в розыск, но никто не ждал, что пропажу найдут среди живых. Скорее всего, их давно сожрала какая-то местная живность. Но сами следователи в эту версию не верили. Уже хотя бы потому, что, кроме каменных глыб, экспедиция в храме ничего не нашла.

Из меня свидетеля не получилось, в памяти тот день представлял собой большое белое пятно, и никакие средства не помогли восстановлению даже отдельных событий. Специалисты уверяли, что это не психологический блок или что-то вроде, воспоминания стёрты совсем, как будто их не было. Потом, уже гораздо менее уверенно, с кучей сложных терминов, предполагали, что мозг мог так отреагировать на потрясение, и хотя обычно случается иначе...

В общем, особой пользы я не принесла.

Не помогла установить истину и аппаратура, вся техника в храме и за его пределами вырубилась, причём частью – окончательно и бесповоротно. Но последнее как раз никого не удивило, это ведь Индра. Странно то, что вместе с внешней аппаратурой погорели и не подле-

---

¹ Шимка – сокращение от «широкодиапазонного многофункционального устройства». Биоэлектронное устройство, которое наносится на кожу лица с одной стороны, в области виска, глаза, уголка губ и уха. Устройство изобретено около восемнадцати лет назад и быстро распространилось. В настоящее время заменяет в Солнечной империи нейрочипы, виры и ряд других устройств. Служит удостоверением личности, средством банковских расчётов, терминалом для выхода в информационную сеть, переводчиком, развлечением и даже медицинским прибором, в зависимости от конкретной модели и прошивки. В выключенном состоянии прозрачна и почти незаметна, во включённом – испускает слабый свет.

жали восстановлению даже личные шимки погибших, включая мою, а их очень сложно уничтожить. ИСБ², которая вела расследование, объяснения этому найти не сумела.

Тот случай вообще заметно подкосил лично мою веру во всемогущество этой организации, потому что дело, кажется, так и осталось нераскрытым. Подробностей мне, конечно, не сообщали, даже как именно были убиты коллеги, но по поведению безопасников сложилось впечатление, что те и сами ничего не понимали. Радовало, что они хотя бы не пытались обвинять в случившемся меня.

Почти месяц меня наблюдали врачи. Этого времени хватило на восстановление, и даже с запасом. Физически я была совершенно цела, а психологически... Отсутствие воспоминаний с этой точки зрения стало благом: лишив следователей информации, психика защитилась очень эффективно, избежав травм. Сложно было только принять смерть близких друзей, с которыми я вместе училась и попала в эту экспедицию, и любимых учителей.

ИСБ мурыжила меня пару месяцев, потом ещё пару – иногда беспокоила, потом почти год периодически контролировала, а потом плюнула и оставила в покое. За тот год утихли и вполне естественные шепотки окружающих, винившие в трагедии меня. Я на них не обижалась, даже сама порой задумывалась, так ли уж они неправы?

Пожалуй, именно эта мысль угнетала сильнее всего. Конечно, следователи такой версии не выдвигали и, наверное, у них были для этого основания. Это успокаивало и позволяло не терзаться чувством вины всерьёз, но... но.

Следующую пару лет я работала, потихоньку забывая трагедию. Этому способствовало и то, что исследования на Индре полностью свернули по требованию местных. Аборигены и так очень нехотя разрешили нам ту экспедицию и вообще посещение храма, который у них считался «нехорошим местом», а после всего случившегося окончательно уверились, что нет смысла ворошить прошлое.

Руководство института долго билось, приводило аргументы, но как об стену. Сторону аборигенов приняла в конечном итоге и ИСБ. Пришлось сосредоточиться на более доступных вещах.

И хотя лично мне это шло на пользу, но за дело было очень обидно. При своей впечатляющей древности, а по предварительным оценкам ему было не меньше шести тысяч лет, храм сохранился идеально, словно хозяева оставили его только вчера. На разных планетах попадались постройки такого возраста, встречались и более древние, но настолько идеальное состояние попало впервые. И никто не мог объяснить, как это получилось в условиях тёплого, влажного климата и наступающих со всех сторон джунглей.

Догадки, конечно, строили, большей частью фантастические, но о проверке теорий оставалось лишь мечтать.

И всё бы так прошло и забылось, но два года назад я начала видеть сны. Первое время забывала, не обращала внимания и вообще игнорировала: в них не было проблесков стёртых воспоминаний, не было ничего тревожного или страшного, просто... Сны. О том, как живёт храм на Индре, словно туда вернулись его хозяева – или вовсе никуда не уходили.

В снах этих постоянно звучала какая-то странная, заунывная, однообразная музыка – тихо, на фоне. Аборигены – точно такие, какими я их помнила, – ходили среди знакомых стен, разговаривали, совершали некие непонятные действия, наверное, сакрального смысла. Происходящего и сказанного я не понимала: я никогда толком не знала языка харров, как себя называли эти гуманоиды, как все люди пользовалась шимкой, а она во сне не помогала.

На осознание проблемы ушло где-то полгода: сны посещали меня не так часто, чтобы сразу начать бить тревогу. Когда поняла, что во всём этом есть какая-то система и совсем не нормально регулярно видеть во сне существ с другой планеты, которых я уже несколько лет

---

² ИСБ – Имперская Служба Безопасности.

не встречала, долго решала, как со всем этим быть. Тем более в это время я находилась уже в другой экспедиции.

А чуть меньше года назад, когда я вернулась на Землю, к тем снам добавились новые с другими сюжетами. Сродни тому, который мне не дал досмотреть искин. Нечасто, самое большее пару раз в месяц. И вроде бы в них тоже не было ничего страшного, всё как в том анекдоте: меня эротические сны не мучают, я ими наслаждаюсь. Но...

Полгода назад я из-за них рассталась с мужчиной, с которым встречалась три года.

Не из-за них. Из-за *Него*. Потому что чувствовала себя исключительно мерзко, словно изменяла Илье с другим, совершенно реальным, мужчиной.

Великой любви у нас никогда не было, но глубокая симпатия, интерес, дружба и взаимное уважение казались хорошей основой отношений, и было стыдно всё это предавать. Хуже того, я начала ловить себя на нежелании прикосновений реального мужчины. Не то чтобы противно или особо неприятно, просто... это был не Он.

Какое-то время я держалась, потому что понимала: неправильно и даже безумно всерьёз сравнивать странный выверт собственного подсознания с действительностью, в фантазии всё конечно будет идеально. Почти дно³, только легальное: за сны у нас пока не сажают.

Я даже ходила к двум разным психотерапевтам, только всё это не помогло: сознание продолжало отчаянно цепляться за безликий образ выдуманного любовника и категорически не желало от него избавляться. Напротив, сны стали посещать чаще – и эти, и возвращающие в прошлое храма с Индры.

Когда я всё-таки не выдержала и поставила точку в наших с Ильёй отношениях, тот даже не удивился. Что поделать, я всегда была отвратительной актрисой, так что изменение поведения он не мог не заметить, просто – молчал и ждал. Спросил только, действительно ли я люблю другого. И что было отвечать? Что я потихоньку схожу с ума и изменяю ему во сне? Пришлось извиниться и заверить, что дело во мне, что я не готова и всё такое. Кажется, он не поверил, даже несмотря на то, что после расставания с ним я уже не пыталась завести новые отношения: какой смысл, если закончатся они тем же?

Тот психотерапевт, который пытался разобраться со снами через проблемы в наших с Ильёй отношениях, утверждал, что сны – это результат каких-то проблем в реальности, и всё приговаривал, что нужно вернуться назад, в начало. Вылечиться он не помог, но...

Полгода назад, анализируя в одиночестве пустой квартиры собственную жизнь с первых детских воспоминаний, я отчётливо поняла: пресловутым «началом» в моей в основном нормальной и спокойной жизни могла считаться только трагедия на Индре.

Когда определилась с направлением поисков, стало немного легче.

Конечно, я не надеялась провести собственное расследование и обставить опытных следователей со всеми ресурсами ИСБ, думать о таком попросту глупо. Но вместо случайных мозгоправов я решила обратиться к тем специалистам, которые работали с моей памятью.

С трудом, но я всё же нашла контакты одного из них. Несколько раз мы встретились, поговорили, он провёл пару обследований – и развёл руками. Не нашлось никаких подтверждений, что корни нынешних проблем уходили в то белое пятно, скрывшее трагедию. Только врачебное чутьё, на основе которого, конечно, не поставишь диагноз и не назначишь лечения, подтверждало моё предположение: вся проблема в том, что случилось на Индре.

---

³ Дно – переименование аббревиатуры DNE. В середине XXI века была разработана технология глубокого возбуждения нейронов – DNE, Deep Neuron Excitation. Построенная с её помощью виртуальная реальность способна подменить действительность во всём спектре ощущений. Сеть D-net за десять лет быстро распространилась по миру и поставила человечество на порог катастрофы, а владеющая ей корпорация приобрела огромное влияние. В последующие несколько десятков лет сначала в отдельных странах, потом по всей Земле технология DNE была приравнена к тяжёлым наркотикам и запрещена, а степень достоверности виртуальной реальности строго ограничена. На развалинах прежних государств сформировалась глобальная республика, которая после новой катастрофы, связанной с увлечением коррекцией генома, трансформировалась в первой половине XXII века в Солнечную Империю.

Ещё месяц мы пытались избавить меня от снов вовсе. Это оказалось несложно, хотя и пришлось спать у него в НИИ под контролем приборов. Вот только качество такого отдыха по непонятным причинам резко снизилось. Я уставала, чувствовала подавленность и вообще выдавала психологическую картину углубляющейся депрессии при совершенно нормальных физиологических показателях.

Такой странный эффект очень заинтересовал специалиста, который был в куда большей степени учёным, чем врачом. Но служить предметом его научной работы я тогда категорически отказалась, поблагодарила и ушла.

Именно тогда в голове родилась глупая, но очень навязчивая мысль: нужно вернуться на Индру, в храм, и вот там я смогу что-то понять.

Некоторое время я с ней боролась, пытаюсь слушаться здравого смысла и голоса разума. Но уверенность всё равно крепла, и, в итоге плюнув на всё, я взяла отпуск, который намеревалась провести, глупо рискнув жизнью на планете, где уже один раз чудом не погибла.

Именно об этом – дурости собственного поведения – я думала, сидя в челноке и тарашась в закольцованный красочный ролик, демонстрирующий виды Индры. Думала, но равнодушно, как думаешь о дожде за окном, сидя дома и не планируя выходить.

Я приняла решение, я сюда приехала, а всё остальное – уже как получится. Если я до сих пор не рехнулась, то, если это не кончится, двинусь в ближайшем будущем. Вирт-зависимость налицо, современная медицина, при всём своём могуществе, почему-то не помогает, так может, лучше сгинуть в лесах Индры, чем превратиться в безмозглый овощ дома? Родителям уж точно будет легче: один раз пережить потерю гораздо проще, чем годами наблюдать за живым трупом.

Тьфу! Какая ж дурь лезет в голову! Это всё от неудовлетворённости, нейтронно!⁴

– Ты первый раз? – выбил меня из бесконечного цикла унылых мыслей женский голос.

– Что? – я с трудом сосредоточилась на соседке справа.

– Первый раз на Индру? – терпеливо повторила она.

– А, нет, не первый, уже бывала, – ответила через «не хочу». Болтовня с попутчицей гораздо лучше вялого попинывания собственной воли к жизни и не вызывает таких мрачных мыслей, так что нечего киснуть.

– И как они?

– Кто, местные? Да нормально, забавные даже. Длинные только очень, здоровенные, сложно привыкнуть, – пожала я плечами.

– Значит, не врут! – глаза женщины возбуждённо сверкнули, и я наконец поняла, что мне кажется в её внешности неправильным: изменённый разрез глаз. Явно пластика, причём сложная, от природы такого не бывает. Глаза больше нормальных, вытянутые, чуть изогнутые, с заострёнными уголками, ярко-зелёные и с вертикальными зрачками. Правда, последнее было, кажется, заслугой линз.

Ох ты ж... Мумифицировать меня заживо, как говорил мой научный руководитель, вот только конченной ксенофилки мне не хватало!

– У тебя ничего не выйдет, харры не оказывают сексуальных услуг, – попыталась я воззвать к её мозгу. Если он, конечно, избежал последствий любви хозяйки к пластике. – Для них это в первую очередь выражение эмоций, если не любви – то симпатии.

– Так ты же только что сказала, что у них большие...

---

⁴ Нейтронно – однозначно, определённо, с гарантией, «стопудово». Слово вошло в обиход и стало популярно около ста сорока лет назад, когда космическая миссия достигла первой в истории человеческой космической экспансии нейтронной звезды.

– Харры большие, а не то, о чём ты подумала! – оборвала я резко, борясь с желанием выразительно прикрыть ладонью глаза. Или лучше рот соседке. – Высокие, потому что ноги у них длинные.

– Ну ничего, эмоций у меня более чем достаточно, – восторженно прижмурилась она. – Я всю жизнь мечтала на неков посмотреть!

Я открыла рот, чтобы предупредить... но, подумав, закрыла.

Перед полётом на планеты к представителям чужих цивилизаций всегда проводят инструктаж, что можно, а что категорически запрещено. И если эта дура слушала его каким-то не предназначенным для этого местом, то это только её проблемы. Свернёт ей кто-нибудь шею за грубое оскорбление – туда и дорога.

И – нет, вообще не жаль. Из-за таких, как она, некоторые ксеносы людей к себе на планеты не пускают совсем, только по особому разрешению, которое будешь выбивать до тепловой смерти Вселенной.

Экзотики ей захотелось, тьфу!

– А ты тоже отдыхать? – спросила она.

– Нет, по работе, – отмахнулась поспешно, уже жалея, что заговорила с ней. Лучше бы дальше самоедством занималась!

– Ужас, как так можно! Ну хоть пара вечеров свободных будет?

– Нет, я на ближайшем лайнере обратно, – упёрлась решительно, а собеседница, чьё имя я так и не узнала, окончательно скисла.

– Как жаль! Она ведь такая необычная!

– Кто? – растерялась я от резкого перехода.

– Ну Индра. Очень необычная, такая дикая...

– Он, – всё-таки не выдержала этого издевательства.

– Кто? – пришла очередь собеседницы недоумевать.

– Индра. Это мужчина, почти как Юпитер.

– Ой, тогда это точно судьба! – обрадовалась она.

Потом соседка затрещала о красоте аборигенов и своих планах, кажется не особенно нуждаясь в собеседнике, но тут мы наконец прибыли, и по объективным причинам стало совсем не до пустой болтовни.

Планета встретила нас яркими огнями космопорта, неподвижной духотой ночи и запахом озона. И нюх, и прогноз обещали грозу в ближайший час – всё как обычно. Не просто же так его назвали Индрой.

У трапа нас посадили в поверхностный транспорт – простейший, колёсный, с двигателем внутреннего сгорания. Здесь стараются не рисковать и не использовать много электроники, чревато: слишком много аварий.

Короткая поездка по полю маленького космодрома, потом – всякие формальности и получение багажа. Заняло это минут десять, потому что челнок доставил на планету от силы три десятка человек: не так уж много желающих посетить эту странную полудикую планету на задворках обитаемой части Галактики. Торговля идёт, но вялая, для туризма планета подходит плохо. Разве что для экстремального, но таким гостям аборигены не рады, да и наше правительство не поощряет подобные развлечения: ему же потом вылавливать потеряшек по лесам. Или, чаще, уговаривать аборигенов выловить, потому что в местные заросли нормальный человек предпочтёт не соваться. Я вот, конечно, планирую, но... Так то ж нормальный!

Перед выходом из здания космопорта я на всякий случай достала куртку и привязала на пояс, после чего надела рюкзак – единственный багаж. К сборам я подошла очень ответственно, постаралась собрать только самое необходимое и упаковать поаккуратнее.

Соседка по челноку ругалась, пытаясь реанимировать лежащий на боку чемодан, навороченную новенькую игрушку ярко-алого цвета. Похоже, на искусственный интеллект созда-

тели не поскупились, а вот на защите от внешних воздействий – сэкономили. Меня туристка, увлечённая угрозами в адрес транспортной компании, не заметила, чем я с удовольствием и воспользовалась, выскользнула наружу. При этом мысленно пожелала терпения сотрудникам компании: кто-то не умеет читать и проигнорировал предупреждения об особенностях Индры, а им теперь с претензиями разбираться.

Снаружи я с неожиданным удовольствием втянула сложную смесь запахов чужого мира и почувствовала себя до странности уверенно и бодро.

Да, Индра – мужик с характером, и предстоит мне довольно сложная прогулка, но это всё равно не повод для криофуги⁵. Я жива, пока почти здорова, и, может быть, эта поездка действительно поставит что-то в моей голове на место. Чем не повод для оптимизма?

И плюк⁶ поberi, я же в отпуске! Впереди целый месяц отдыха на природе, приключения, местные красоты, а я сижу тухну. И даже если крепнущая с каждым шагом надежда на лучшее не оправдывается и ничего в моих снах эта прогулка не изменит – надо хоть процессом насладиться.

Впрочем, до места отдыха предстояло сначала добраться, а это тоже то ещё приключение. Хотя мне ещё повезло: так совпало, что космопорт находился сравнительно недалеко от храма. Если бы руины располагались Она другой стороне шарика, боюсь, я бы в принципе не сумела добраться самостоятельно, с транспортом тут трудно.

Космопорт на Индре один, возле самого большого из местных городов. Вернее, это город вырос вокруг космопорта, и живут в нём по большей части пришлые, аборигенов совсем немного, и они в основном приезжают временно, по делам. Называется он без фантазии Индра-1 и, если совсем уж прямо, является единственным городом на планете в том смысле, который мы вкладываем в это слово.

Харры не любят скученности, их поселения – это рассеянные по большой площади отдельно стоящие домики, разделённые лесом или, реже, возделанной землёй, которые не имеют названий. На этих же просторах раскиданы производства, а транспорт – почти исключительно верховой. Есть тут такая забавная зверушка, которая носится с пугающей скоростью, наши биологи хватаются попеременно то за сердце, то за голову, удивляясь, как подобное вообще могло вывестись.

При этом аборигены не такие уж отсталые, они пользуются достаточно совершенными двигателями внутреннего сгорания, просто – редко, только если нужно перевезти большой груз. Пользуются и взрывчаткой на основе нитроглицерина, и порох тоже прекрасно знают, но – дерутся только врукопашную или, если насмерть, холодным оружием. У них считается неприличным защищать себя бронёй и убивать кого-то издалека, конечно, если речь не идёт об охоте.

Они вообще довольно странные.

Для начала путь мой лежал на транспортную станцию неподалёку от космопорта. Кое-какая торговля с аборигенами идёт, поэтому они содержат поблизости небольшой парк своих вездеходов: постройке хороших дорог харры предпочитают использование машин высокой проходимости.

Чем дальше от космопорта, тем темнее становилось. Это людям нужно искусственное освещение, а аборигены неплохо видят в темноте. Пришлось активировать одну из нестандартных программ шимки, и перед глазами появилась тонкая тусклая плёнка фильтра. Не очень приятная штука: картинка с ней немного запаздывает и смазывается, при резких движениях

---

⁵ Криофуга – бегство от мира и проблем в анабиозную камеру. На закате эпохи DNE некоторые зависимые от страха перед реальностью предпочитали такую меру. Вскоре содержание подобных хранилищ признали нецелесообразным, и в течение последующих тридцати лет все, кроме неизлечимо больных, были разбужены и социально адаптированы.

⁶ Плюк – виртуальная нечисть из сетевого фольклора, которая питается мозгами пользователей, слишком много времени проводящих в сети. Популярное ругательство и детская страшилка.

начинает укачивать, но так проще, чем цеплять отдельный прибор. Нет, у меня есть очки ночного видения, я вообще запасливая, но пока можно обойтись без них.

В плетёном кресле под навесом на краю стоянки дремал мужчина, наверное местный смотритель. Плотный, крупный, одетый в обычной местной манере. Немолодой, судя по седой гриве – в пересчёте на наши ему наверняка уже за сотню.

– В ту сторону грузов нет? – обратилась я к харру.

Здороваться словами у местных не принято. Вместо этого они обмениваются электромагнитными импульсами, которые – при некоторых доработках – способна имитировать шимка. Я подготовилась тщательно, поэтому сумела обратиться к аборигену правильно. Харр открыл выразительные синие глаза очень яркого, чистого цвета и уставился на меня с интересом. Послал приветственный сигнал вместе с выражением одобрения и любопытства, склонил голову набок.

А зрачки у них, кстати, совершенно как у нас, круглые. Никакой экзотики. Вообще глаза похожи, разве что в среднем чуть больше и разрез немного иной.

– Далеко? – басовито мурлыкнул в ответ мужчина.

– Махов десять, – прикинула я, переводя выданные инфосетью восемьдесят километров в местную меру.

– Будет, после дождя, – обрадовал он и кивнул в сторону. – Садись, подождём.

Там громоздились какие-то ящики, на один из них я невозмутимо пристроилась. У местных не принято уступать место, это считается оскорбительным – сомневаться в силе и выносливости собеседника.

– Зачем тебе туда? – полюбопытствовал харр, с большим вниманием рассматривая мои руки. Татуировок в их культуре нет, равно как и запрета откровенно пялиться на нечто интересное, поэтому к подобной реакции я быстро привыкла ещё в прошлый визит.

– Отдыхать, – ответила, тоже разглядывая мужчину. Думала, отвыкла за пять лет от их экзотичной наружности, но – нет, сны не позволили забыть.

Всё-таки они красивые и очень похожи на нас. Смуглая кожа, близкие пропорции тела, похожее строение мускулатуры. Различается строение ног ниже щиколоток – у харров там конечности покрыты мехом и «звериные», с длинной стопой и приподнятой пяткой, так что аборигены ходят словно на цыпочках. Из-за такой формы и длины ног они в среднем заметно выше людей при близости остальных параметров.

Ещё у харров сохранился хвост – длинный, голый, подвижный, с пушистой кисточкой на конце. Плечи, шею сзади и по бокам и голову, кроме лица, покрывает пышная грива, причём у обоих полов. Только у женщин она длиннее и менее разросшаяся, ближе к человеческим волосам. Ну и, конечно, подвижные крупные треугольные уши, меховые снаружи, придающие им сходство с персонажами классических комиксов, которых поминала моя попутчица.

Лица у аборигенов тоже почти человеческие, что позволяет нам считать харров довольно красивыми. Помимо отличия в форме глаз, нос немного шире и более приплюснутый, чуть иное устройство челюсти и зубы острее – если немного привыкнуть, перестаёшь замечать.

Но это всё внешние отличия, которые вряд ли способны так уж сильно заинтересовать учёных. Самое потрясающее, что есть в харрах, – это наличие пушистых кошачьих «усов», вибрисс. Называются они «раты» и выполняют совсем другую функцию: принимают и излучают электромагнитные импульсы, которые обрабатывает отдельно выделенный под это участок мозга. На Индре это обычное дело, так общаются многие животные и даже растения, которые зачастую настолько эффективно экранируются, что под пологом леса не работает никакая местная связь.

Да и не только в лесу, с радиосвязью здесь вообще большие проблемы: из-за обилия электричества в атмосфере и живых существах слишком много помех. И компенсировать это связью, построенной на искажении пространства космолитом, которую мы используем для

передачи данных между планетами и планетными системами, не получается, там мешают ограничения на дальность с другой стороны.

Обувью харры не пользуются вовсе, да и одеждой не злоупотребляют. Носят короткие штаны по колено, обычно замшевые или кожаные, с широкими ремнями, к которым крепят оружие, прибавляя к этому разве что кожаные жилеты. Редко, по праздникам или в каких-то официальных случаях, надевают простые рубахи с воротом на шнуровке и яркой декоративной вышивкой по подолу – собственно, всё. А вот к украшениям относятся с куда большей нежностью и интересом, обычно таскают какие-то клыки на верёвочках или другие странные штуки – на удачу. Очень уважают браслеты, чаще всего плетёные из всё той же кожи или деревянные с резным узором.

– И где ты собираешься отдыхать там? Пришельцы обычно к морю тянутся, туда, – искренне удивился наблюдатель и махнул рукой, указывая направление в другую сторону.

– Не хочу море, хочу погулять по лесу, – получилось даже почти честно. – А там знакомый есть, Бетро, может, знаешь? У него остановиться можно.

– А-а, знаю! – искренне удивился мой собеседник. – Хороший дом, большой, у него многие останавливаются. А готовит как! – он мечтательно прижмурился.

– Вот-вот, – улыбнулась я. – А ты ещё спрашиваешь, почему туда.

– Ну как угадать, что ты из знающих урши, а не из этих? – он улыбнулся в ответ, пренебрежительно махнув рукой в сторону космопорта.

«Уршами» они называют людей, и это можно примерно перевести как «говорящие плохо». Что поделать, человеческая гортань плохо приспособлена для некоторых звуков, нормальных в местном языке, и даже с шимкой их воспроизвести невозможно. К счастью, местные на такое обращение с их языком не обижаются, находят наш говор забавным.

Язык у них, кстати, тоже весьма своеобразный. Лингвисты в глубоком недоумении, они такого в других местах не встречали. Законы жизни языков одинаковы не только для всех земных, но и для большинства инопланетных, кроме совсем уж чуждой экзотики, а харрский их нарушает: он слишком однородный. Всё небольшое население Индры, рассеянное по огромной территории, говорит почти одинаково. Есть какие-то жаргонные или местечковые словечки, но это капля в море. Ещё один аргумент за искусственность харров, хотя и не менее спорный, чем прочие.

В этот момент общение прервалось оглушительным грохотом, с которым где-то неподалёку расколосось небо.

Мой собеседник прикрыл глаза и рассеянно пошевелил вибриссами.

– Сейчас, – уронил коротко, и, будто в ответ на его слова, на стоянку и навес волной накатился громкий шелест, с которым хлынул на землю сплошной поток ливня.

Водные плети рванул ветер, пытаюсь достать нас в укрытии. Я с удовольствием обнаружила, что место выбрала очень удачно: ящики прекрасно защищали и от воды, и от порывов. Видимость сразу упала, и я на всякий случай отключила ночной режим. Пока сверкало далеко, но это ненадолго, а если полыхнёт рядом, с фильтром можно и ожог сетчатки заработать.

В навалившемся тут же сумраке харр угадывался неопределённой светлой фигурой, отчётливей всего в которой выделялась седая грива.

Гроза громыхала долго. Соседа я в это время не беспокоила: он прикрыл глаза, растопырил «усы» и подзаряжался. Да, такое они тоже умеют, электричество – это вполне подходящая им для жизни энергия наряду с обычной пищей. Исключительно на ней одной они, конечно, существовать не способны, но явление всё равно интересное.

Я всё-таки накинула куртку – дождь смыл духоту и жару, стало гораздо прохладнее. Закутавшись, молча пялилась в темноту, наполненную звуками грозы, и рассеянно думала о том, как занятно порой выворачивается жизнь.

Пять лет назад я была уверена, что больше не вернусь на Индру и харров не увижу. Вспоминать об этом месте, забравшем у меня нескольких дорогих людей, было слишком тяжело и больно. Но вот вернулась и сижу тут, вспоминаю всё, что знаю про аборигенов, и чувствую себя на удивление спокойно, как будто я что-то делаю очень правильно.

Что же всё-таки моё подсознание хотело сказать этими снами? Явно ведь не то, что я соскучилась по Индре! Хотя... что скрывать, харры мне всегда нравились. Одна из самых загадочных современных цивилизаций.

Аборигены живут долго, и, видимо, продолжительность жизни у них такая от природы, а не благодаря технологиям: они, в отличие от привыкших жить быстро людей, не любят спешку. Умирают редко, рождаются редко, и вообще их на всей планете довольно мало, чуть больше полумиллиарда. Приполярные области, пустыни – харры даже не пытаются их заселять, им и так неплохо.

Несмотря на многообразие разумных видов, в большинстве своём гуманоидных, населяющих нашу галактику, жители Индры всё равно способны удивить и здорово выделяются. Антропологи до сих пор теряются в догадках, как сложилась такая цивилизация. При явно хищных предках харры не особенно воинственны, довольно флегматичны, непритязательны в смысле условий жизни и отлично умеют контролировать своё любопытство. Агрессивны они в основном в личном пространстве, то есть защищая себя и небольшую территорию, и личные отношения между харрами легко могут вылиться в кровавую свару, но массовых столкновений у них не случается вовсе. У них и государств-то разных нет, и даже как будто никогда не существовало.

Наши учёные до сих пор не могут определиться, считать ли вообще то, что есть у местных, государством или нет? Нечто среднее между социализмом и анархией без денежной системы. Хотя поняли они её, принесённую людьми, прекрасно, пользуются нашими деньгами, но – только для расчётов с пришельцами. При таких отношениях, казалось бы, они должны застрять в первобытном укладе и натуральном хозяйстве, но – нет: и полезные ископаемые добывают, и сталь льют, и электричеством пользуются.

Некоторые мои коллеги полагают харров экспериментом некоей древней цивилизации, построившей тот грандиозный храмовый комплекс, который совершенно случайно нашёлся в здешних лесах. Следы этой цивилизации, неизвестно куда сгинувшей, находили на многих обитаемых планетах, её влиянию приписываются и некоторые земные сооружения, вроде пирамид Египта и Теночтитлана. Не в том смысле, что именно они построили, а в том, что вдохновили людей. Аргументом за эту теорию её сторонники считают и культы всевозможных гор – вершин мира у множества древних народов Земли.

Лично я эту версию не разделяю. Некоторое архитектурное сходство, конечно, есть, но пирамида – слишком простая и естественная форма, чтобы всерьёз полагать, будто люди не могли придумать её самостоятельно.

Впрочем, и без земных мегалитов по галактике разбросано достаточно ясных свидетельств, что цивилизация такая существовала достаточно недавно, каких-то пять-шесть тысяч лет назад. К сожалению, никто из дружественных видов, с которыми Солнечная империя вступила в контакт за время собственного существования, не сохранил памяти об этих существах, поэтому следы исследуем не только мы, и не только мы растерянно разводим руками. И не только мы возлагали на храм Индры большие надежды, с которыми пришлось распрощаться.

До сих пор не нашлось никаких письменных свидетельств и, главное, рисунков, оставленных древними, и до сих пор основной считалась гипотеза, что изображения оказались гораздо больше подвержены влиянию времени. Но она не подтвердилась: здесь, где храм сохранился прекрасно, никаких рисунков тоже не было. Похоже, та цивилизация по непонятной причине пренебрегала подобным простым способом самовыражения, и потому мы до сих пор не дога-

дывались, как выглядели её представители. Да, явно гуманоиды, да, близких нам пропорций, но – и только.

Сны заставили меня задуматься и об этом. Почему в них явными хозяевами храма выступали именно харры? Почти такие, как сейчас, разве что одетые иначе. Да, нелепо всерьёз считать эти видения какими-то реальными свидетельствами, но... лично я не могла не верить в них совсем: слишком сроднилась за годы.

Однако самой разумной мне казалась версия о том, что харры могли и не быть создателями этих построек, а использовать их после ухода истинных создателей. Да, сейчас аборигены побаиваются пирамид, но кто сказал, что так было всегда?

Эта идея косвенно подтверждалась и сложными отношениями аборигенов с религией.

Как таковой веры у них не существовало. Про загробную жизнь, сотворение мира и прочие подобные материи они вообще разговаривали неохотно, обычно отделяясь чем-то вроде «ну возникло и возникло, какая разница». Пожалуй, единственное, что удалось выудить из харров, это странную уверенность, что прежде боги жили среди них. Были они сильны, умны, красивы и бесчувственны, что их в итоге и погубило. Как именно выглядели – память аборигенов не сохранила, как и, собственно, причины гибели древних.

Да и относились к ним харры не как к богам, а со сложной смесью уважения и пренебрежения. Они вообще очень эмоциональны и не одобряют тех, кто что-то делает без чувств. То есть, например, убить из ревности, из обиды, в порыве злости – это вполне по-харрски, такого преступника в половине случаев даже судить не будут, пожурят немного. А вот убийство ради материальной выгоды непременно покарают очень сурово, вплоть до смертной казни. Но такие поступки аборигены совершают очень редко, нет в них столько хладнокровия.

Дождь ещё не успел закончиться, когда мы с соседом получили из темноты сразу несколько приветственных импульсов, и окружающий мир пришёл в движение.

К нам подошла компания из шести харров и принялась обсуждать с хозяином стоянки погрузку и какие-то ещё детали. Я не вникала, сидела спокойно и ждала, пока обратятся непосредственно ко мне, если вообще обратятся. Местные довольно бесцеремонны и за вмешательство в разговор не обидятся, но какой смысл?

Тем более транспортный вопрос решился без моего участия. Харр, которого я про себя называла смотрителем, попросил подвезти «эту урши» вон туда, к старому Бетро, насколько получится. Один из пришлых обрадованно сообщил, что они едут не просто в ту сторону, но везут часть груза как раз к Бетро, так что мне здорово повезло.

Этот же харр, который представился как Ипро, оказался водителем. Закончив разговор, он махнул мне рукой и зашагал к машине.

Погрузка много времени не заняла просто потому, что грузить ничего не пришлось: шестёрка харров уже притащила к стоянке полностью упакованный прицеп, и оставалось только выбрать тягач. Вот так и докатили, да, своими руками, они довольно сильные ребята. Правда, и груз был не слишком большим, но всё равно мощь хвостатых внушала уважение.

Тягач нам достался новый. Когда люди привезли на Индру свою технику, кое-какие принципы и детали харры охотно позаимствовали. Например, им понравилась идея, что в кабину можно сажать не только одного водителя, но и кого-нибудь ещё – всё веселее. Да и закрытыми делать кабины они начали именно с нашей подачи.

Вообще, по галактическим законам контакта с харрами случиться не могло. Запрещено связываться с цивилизациями, не освоившими ещё межзвёздные перелёты или уж в крайнем случае – межпланетные внутри собственной системы. До такого уровня жителям Индры далеко, да и вряд ли они с собственным отношением к прогрессу когда-нибудь его достигнут.

Но на планету первыми наткнулись браконьеры. Пока всё вскрылось, пока вмешались правоохранительные органы – делать вид, что инопланетного присутствия не было, стало уже поздно.

Надо сказать, братьев по разуму харры восприняли на удивление спокойно. Мы вызывали у них любопытство, но скорее своей необычной наружностью, чем технологиями. Причём люди из всех гуманоидов галактического сообщества показались обитателям Индры самыми интересными, с остальными видами аборигены контактировали вовсе уж неохотно, особенно с негуманоидными.

– Давно Бетро знаешь? – спросил Ипро, когда машина с басовитым урчанием двинулась к окраине города.

– Нет. Была тут... четыре года назад, тогда познакомились, – перевела привычные стандарты в чуть более длинные местные меры. – Бетро хороший, мне в тех краях понравилось.

– Да, у них славно, это ты правильно решила. Вот я ему, значит, и тебя привезу, он гостей любит.

– А что ты вообще везёшь?

– Образцы, – не стал скрывать харр. – Устройства разные – землю обрабатывать, урожай собирать, ткани делать. У них там проверим, понравится – будем использовать.

Всё же у них потрясающая организованность для столь разобщённых существ. Но я прекрасно знала, что поднимать эту тему бесполезно, поэтому заговорила о другом.

– Нужное дело. А расскажи, что интересного за последние четыре года было?

– Это можно!

Харры вообще любят поговорить, поэтому если ты умеешь слушать, то симпатия аборигенов обеспечена. Очень любят, например, обсуждать общих знакомых, у них это не считается дурным тоном. Отчасти, наверное, потому, что они не склонны к лицемерию и притворству в вопросах личных отношений и всегда озвучивают о ком-то одно мнение – что в лицо, что за глаза.

Охотно говорят и обо всяких местечковых новостях, о видах на урожай и даже новой технике, вообще очень открытые. Только некоторые вопросы вызывают странную реакцию. Например, если расспрашивать об их организованности или средствах связи, они только недоуменно пожимают плечами и то ли правда не понимают сути вопроса, то ли помалкивают. И это закономерно будит в исследователях подозрения.

Самая популярная и вполне жизнеспособная теория сводится к тому, что харры составляют этакий коллективный разум. Предполагают даже, что связь у обитателей Индры построена по сотовому принципу, с передачей информации соседям с помощью радиоимпульсов. Но если это и так, подловить их на этом до сих пор не удалось, слишком уж много на этой планете электричества. Устроенных по такому принципу гуманоидов человечество пока не встречало, но что только ни найдёшь на просторах Вселенной!

Косвенно подтверждает эту теорию и поразительно взвешенное отношение хвостатых к прогрессу. Всё, что может предложить человечество, харры единодушно принимают с интересом и оценивают, насколько это будет им полезно. Но их осторожности и перестраховке в подобных вопросах стоило бы поучиться людям, которые со своим багажом знаний и опытом порой хватаются за всё новое с детской бесцеремонностью.

А сами харры только озадаченно пожимают плечами, не отвечая на вопросы. И категорически возражают против исследований, чем связывают научным работникам руки: галактические законы в этом вопросе неумолимы и требуют не просто согласия разумного вида на его изучение, но согласия информированного. Так что официальной науке остаётся только строить предположения и исследовать косвенными методами. А частных, нелегальных исследователей Индра с его обитателями пока не заинтересовал.

Впрочем, единым мнением в научных кругах даже не пахнет, как это всегда и бывает. Наличие коллективного разума, например, совсем не объясняет разобщённости харров и их очень трепетного отношения к личному пространству и ближайшему окружению. Да и харак-

теры у них слишком индивидуальные, совсем человеческие, так что коллективный разум явно соседствует с личным, и тогда получается совсем уж странное сообщество.

Профессор Говоров, мой руководитель, только посмеивался, слушая подобные рассуждения. Он считал, что мы ищем загадку там, где её нет, и не замечаем самого главного: что общество харров изначально развивалось более правильно, чем человеческое. Что нравственный прогресс на Индре по непонятным причинам опередил технический. Даже склонность хвостатых решать споры врукопашную профессор считал гораздо благородней и выше, чем наши «цивилизованные методы».

Говоров полагал, что стоит искать ответ именно на этот вопрос – почему так, в чём именно разница пути двух цивилизаций? – и пытаться понять, как человечеству научиться у харров нравственности, а не маниакально систематизировать и классифицировать всё вокруг.

Он был убеждённым романтиком и совершенно удивительным человеком.

Я до сих пор не могла привыкнуть, что его больше нет. Вроде бы смирилась, вроде бы переболела – пять лет прошло, достаточный срок, да и помощь мне оказали квалифицированную. Но по-прежнему порой, забывшись, задумывалась, что надо бы посоветоваться с Говоровым.

Если бы он был жив, со своими странными снами я бы в первую очередь пошла к нему. Я люблю родителей, очень люблю, но... с папой можно советоваться в практических вопросах, с мамой – в вопросах чувств и отношений. А здесь, считай, голая наука, и всё, что они могли предложить, я сделала и сама. Кто же виноват, что психотерапия не дала результатов?

И думая об этом, я не сомневалась, что эту поездку профессор бы одобрил. Может, даже сам предложил бы ещё до того, как все прочие средства оказались испробованы, это вполне укладывалось в его характер. Может, именно думая о нём, я и решилась в конце концов на этот нелепый шаг?

Казалось бы, практичный человек, учёный до мозга костей, Владислав Александрович порой проявлял неожиданные грани характера, показывая себя то мистиком, то философом-агностиком. Правда, обосновывал всё это вполне научно: полагал, что во Вселенной слишком много того, что нам ещё предстоит понять, поэтому не стоит столь уж категорично отвергать существование сил, которые мы пока не способны даже толком воспринять.

А я пусть всерьёз не верила, что эта поездка что-то прояснит, но... где-то в глубине души по-прежнему жила наивная, детская вера в чудо. Которую так старался сохранить в своих учениках профессор Говоров.

Глава 2. Проводник

Машина на больших мягких колёсах катилась плавно, так что за время пути я успела не только выслушать последние новости и рассказать в ответ про свои татуировки и сложную историю натальной живописи на Земле, но и неплохо подремать. Так что, когда мы ближе к полудню доползли до нужного места, я была бодрa и полна энергии.

Будучи весьма эмоциональными и зачастую порывистыми, в том, что касается хозяйства и быта, харры обычно исключительно рациональны. Они любят красоту, но, например, никому не придёт в голову мучиться с доставкой какой-нибудь особенно редкой породы дерева или красивого камня для отделки, когда это не обосновано практическими нуждами. Они просто не понимают, зачем тратить на такую ерунду столько сил.

Здесь, на плоской как стол равнине, большей частью заросшей густым лесом, в пойме большой капризной реки, строятся, конечно, исключительно из дерева. Обрабатывают брёвна каким-то сложным составом, и те не гниют в местном сыром климате. Спасаясь от сырости, предпочитают строить дома на сваях – крепкие, капитальные, к которым не ленятся подводить водопровод и устраивать канализацию. Несмотря на тёплый климат и отсутствие необходимости в монументальных постройках, харры всё равно очень основательны, строят минимум на десятилетия. Так что лёгких травяных хижин, как у диких племён в истории Земли, у них нет, разве что охотничьи шалаши-временки, но это ведь не жильё, так, укрытие.

Дома они охотно украшают внутри и снаружи резьбой по дереву, хитро сплетёнными из разноцветных стеблей травы узорчатыми ковриками и прочей мелочёвкой подобного же толка.

Красиво? Харры считают, что да. Отличается, скажем, от строгой отделки мрамором, пышной позолоты или каких-нибудь ультраиндустриальных интерьеров Земли? Безусловно. Расстраивает ли это кого-то? Нет. Если спросить, не хочется ли им разнообразия, чего-то особенного и другого, всё разобьётся о логичный вопрос хвостатых «зачем?» И так ведь хорошо, и не так уж одинаково – каждый узор индивидуален. Зачем утруждаться из-за ерунды?

Честно говоря, эта точка зрения аборигенов всегда была мне близка, да и дома здешние нравятся, как нравятся их хозяева. Не хватает только всяческих удобных мелочей, которые харры считают излишествами. Они, например, почти не пользуются в быту электричеством, не видят смысла. Греться или охлаждать воздух не надо, им комфортно, готовить предпочитают на открытом огне, в искусственном освещении с кошачьим зрением тоже особой нужды нет.

Насосами для водопровода пользуются, это единственное исключение, но электричество для них аборигены научились запасать в грозы. Как – я даже не пыталась разобраться, но вроде бы наших учёных принцип не заинтересовал, значит, ничего необычного в нём нет.

Дом Бетро на общем фоне выделяется размерами: настоящий особняк по местным меркам. Опорами ему служат стволы в несколько обхватов, над которыми возносятся два полноценных этажа плюс чердак. Но это не для личного пользования и не для демонстрации статуса, уважают Бетро просто так, потому что харр хороший. Это для гостей, которых хозяин очень любит и которые очень ему интересны. В доме постоянно останавливаются всевозможные путешественники – и харры, и даже люди.

А ещё половину первого этажа занимает нечто вроде пивной. Я так и не поняла, какую пользу получает Бетро от этого заведения и чем с ним рассчитываются завсегда, но сюда заходят аборигены со всей округи. В этой их привычке тоже есть что-то кошачье: живут довольно далеко друг от друга, но непременно находят «нейтральную территорию», на которой собираются пообщаться. Правда, сидят не молча, в отличие от кошек, шума от большой компании по-человечески много. Особенно когда хвостатые «насурываются».

Странным словом «сурыр» харры называют повсеместно распространённый слабоалкогольный напиток из перезревших плодов дерева сур, по вкусу нечто среднее между земными

манго и яблоком. Не то брага, не то мёд – я понятия не имею, как это готовится. И знать не хочу, потому что гадость редкостная: он дико сладкий, и от этого «компотика» на раз развозит даже очень стойких к алкоголю людей.

Харры вообще на удивление любят сладкое, особенно мужчины. Не знаю, как именно их организмы переваривают такое количество сахара, но вроде бы диабетом никто не страдает, зубы крепкие – местные в принципе очень редко болеют. У меня от некоторых блюд зубы сводит, я такое разве что в детстве могла употребить, а эти мускулистые мужики трескают и нахваливают.

А вот крепкий алкоголь они не пьют совсем. Спирт используют, но в промышленности, и судьбу некоторых земных народов, которых погубила «огненная вода», повторять явно не собираются. И это тоже очень интересная особенность местного мировоззрения.

– Приехали! – подтвердил очевидное Ипро, останавливая свой тягач почти вплотную к сваям. Под домом дремало четыре или пять привязанных тсоров, тех самых скоростных верховых тварей – значит, у хозяина какие-то гости.

При свете дня оказалось, что мой водитель довольно молод, ни малейшего намёка на седину, и угольно-чёрен с чёрными же глазами – редкая расцветка, они обычно посветлее.

Я послушно принялась выбираться наружу вместе с рюкзаком. Прыгать не стала: стоило пошевелиться, и выяснилось, что за время пути сильно затекли ноги и спина. Так что я аккуратно сползла на землю с высокого порога, цепляясь за сиденье и ручку массивной двери. С хрустом потянулась всем телом, прогнулась, покрутилась из стороны в сторону, по очереди согнула ноги...

– Надо же, какую ты мне гостью привёз! Мара! – раздался весёлый голос с террасы.

У шимки чувствительность и мощь гораздо меньше, чем у природных антенн аборигенов, да и направленность у них лучше, так что я даже не заметила, когда водитель успел позвать Бетро, заметила его только теперь.

Хозяин дома легко прыгнул в траву с высоты чуть больше трёх метров. А он уже давно не мальчишка, харр весьма почтенного возраста! Восхитительные у них всё же физические данные.

– Я тоже рада тебя видеть, Бетро, – улыбнулась, по местному обычаю не показывая зубы.

– Иди-ка сюда, урши, дай старому харру себя обнюхать!

Подожёл он сам, чуть присел, чтобы было удобнее, стиснул меня в охапке, ещё и хвостом обвил – лестное проявление симпатии и доверия, хвост они берегут.

– Ничего ты не старый, ещё ого-го! – заверила я, с удовольствием отвечая на такое приветствие. Обняла Бетро, как большого кота, уткнулась носом в мягкую седую гриву, от которой пахло тёплым домом и вкусной едой.

– Вот это да! – прокомментировал Ипро. – Так вы и правда хорошо знакомы!

– Насколько можно знать урши. Ты, смотрю, стоишь прямо? – спросил Бетро строго, отстраняясь и придерживая меня за плечи. Забавное местное выражение, они его используют примерно тогда, когда мы «хорошо выглядишь».

– Стараюсь, – улыбнулась снова, на этот раз уже не так радостно. – Разговор есть.

– Иди в дом, – харр выразительно дёрнул головой. – Сейчас с этим хвостом разберусь и приду.

Из дома тем временем высыпало ещё несколько аборигенов – наверное, по зову уже Бетро, подмога для разгрузки оборудования. Не исключено, что они тут в ожидании груза и сидели, чтобы помочь. Мы обменялись любопытными взглядами и приветственными импульсами, и на том общение пока закончилось. Я двинулась к лестнице, ведущей в дом.

Внутри было сумрачно и тихо: окон немного, а все посетители вышли помогать хозяину. Просторная прямоугольная комната, напротив входа – двустворчатая лёгкая дверь во внутреннее помещение. В левом дальнем углу – пустой проём, ведущий на кухню с жаровней.

Вдоль стен расставлены столы, на некоторых посуда с недоеденными остатками, вокруг столов – простые деревянные стулья. Пространство посередине нарочно оставлено свободным, так принято: в подобных местах – под настроение – танцуют, меряются силой, дерутся насмерть.

На звук шагов мне навстречу вышла немолодая уже, седая харра, тоже хорошо знакомая – Эрра, пара Бетро. Как такового института брака на Индре нет, местные никак не узаконивают собственные отношения. Просто выбирают того, кто нравится, и живут с ним вместе. Чаще всего уже до конца, потому что к выбору постоянной пары подходят очень ответственно. Хотя, конечно, всякое случается, и расставания с шумными скандалами – тоже.

Диморфизм у аборигенов выражен сильно, женщины хоть и высокие из-за длины ног, но заметно мельче мужчин. Стройные, фигуристые, с тонкими кистями и длинными пальцами – это у харров очень важный критерий женской красоты. Одеваются обычно почти так же, как мужчины, разве что всегда, а не от случая к случаю, носят короткие не то майки, не то жилетки, прикрывающие грудь: в этом их приличия удивительно похожи на наши. Ну и дома те, что постарше, часто носят прямые свободные платья до колен и без рукавов – уверяют, что так удобнее. А украшения любят ещё больше и, помимо браслетов, часто вплетают в волосы цветные ленточки и ими же украшают хвост. Порой и не только ими, а надевают специальные кольца почти на самый кончик, у основания кисточки.

Чисто женское украшение, к слову. Как уверяла меня вот эта самая Эрра, хвост – первое средство привлечения мужского внимания, и, если умело им пользоваться, округить можно любого. А уж если у такой вот талантливой и умелой через ухоженный мех кисточки загадочно мерцает какой-нибудь яркий камушек, то всё, жертва обречена. Ещё очень сочувствовала бедным урши, обделённым такой полезной частью тела.

– Тамара! – обрадовалась женщина. Она почему-то нежно любила моё полное имя и принципиально называла только так. – Ты тут! Как ты, девочка? – тоже обняла, тоже отстранилась, держа за плечи. – Как я рада тебя видеть! Уже и не думала, что вернёшься после всего.

– Я тоже не думала. Эрра, тут такое дело... нужен проводник. Туда, к храму.

Она нахмурилась, смерила меня острым взглядом голубых глаз.

– Пойдём-ка, всё расскажешь. – Харра уцепила меня за локоть и потащила в глубь дома, в свою маленькую «комнату для общения», куда допускались только близкие и желанные гости. Там усадила в плетёное кресло с мягкой подушкой на нём, сама устроилась в таком же напротив и уставилась выжидательно. Пришлось начинать с самого начала, заодно оглядываясь и опять привыкая к местным видам.

Внутренние помещения дома всегда напоминают уютную, тёплую и сухую нору с множеством отдельных каморок. Харры не любят большие пустые пространства, им удобнее в маленьких и даже довольно тесных по нашим меркам комнатах.

Хозяйка именно этого дома, ко всему прочему, самозабвенно любят книги, поэтому всё свободное пространство во всех личных комнатах занято именно ими.

С огромным облегчением я рассказала Эрре почти всё, не считая эротической части. Всё же это слишком личное, а она не доктор.

С Бетро и его парой мы познакомились ещё по дороге к храму. Они тогда с удовольствием, очень тепло нас приняли. Хозяин дома и Говоров быстро и легко нашли общий язык и остались очень довольны друг другом, было бы больше времени – наверное, сдружились бы. Но у нас был план экспедиции, а потом...

Потом остатки группы тоже привели сюда: харры-проводники, которые вели нас к злополучным руинам, внутрь, конечно, не заходили, так что они и не пострадали. На месте позвать на помощь не получилось, связную аппаратуру не удалось реанимировать. Так что всё оборудование, целое и нет, бросили в храме и ушли налегке, только с каким-то запасом еды и аптечкой. Причём меня попеременно несли на руках: в себя я по дороге так и не пришла.

Профессор Баранова, которая, имея соответствующее образование (история изначально была для неё хобби, которое со временем стало судьбой), выполняла в группе обязанности врача, по дороге пыталась привести меня в чувство, вводила питательные растворы, и, наверное, именно она в итоге спасла мне жизнь.

Проснулась я только уже тут, в этом доме, и первое время была не в себе. Полностью дезориентированная, не понимала, где нахожусь и что происходит, физически не могла подняться на ноги от слабости. А когда узнала, что произошло, то сначала и не хотела.

Помощь из города прибыла быстро, Бетро отправил кого-то на тсоре с дурной вестью. В Индре-1 из-за этого подняли один из нескольких дежурных вертолётов местной сборки. Но прилетевший врач согласился с Барановой, что нет смысла срочно меня куда-то эвакуировать, а вот брошенные тела в таком климате стоило осмотреть как можно скорее, пока там хоть что-то осталось. Так что пару дней, пока следователи возились с мёртвыми, живые ждали своей очереди у харров, приходя в чувство.

Эрра очень сердобольная женщина, она близко к сердцу приняла и моё состояние, и гибель половины экспедиции и успела привязаться ко мне за те несколько дней, чему совсем не помешала неисправная шимка и невозможность полноценного общения. Всех приняли очень тепло, но ко мне эта пара почему-то особенно привязалась. Говорили, что я напоминаю им старшую дочь.

– И зачем ты хочешь пойти туда? Что надеешься найти? – строго нахмурилась Эрра, когда я закончила рассказ.

– Не знаю, что-нибудь, – неопределённо развела руками в ответ. – Я понимаю, что это довольно глупо, но я просто не знаю, что делать. Сны не проходят, становятся чаще. Не то чтобы они очень сильно тяготят, это даже интересно, но всё равно здорово не по себе. Откуда-то же они берутся?! Да, вряд ли я сумею узнать что-то новое, я это понимаю, но не попробовать не могу. Вот если не получится, тогда и буду думать над другими вариантами.

– Бетро спросим, – со вздохом решила Эрра. – Туда сейчас не ходят совсем. Как твои умерли, так и не ходят. Только Бетро и скажет, кто из мужчин достаточно безумен.

Мы немного помолчали.

– Эрра, всё же почему вы не ходите в храм? Что в этом месте плохого? Ладно, после того, что случилось с землянами, можно приписывать дурную славу, но вы и до этого пирамиды не жаловали. Что там всё-таки?..

– Ай, не знаю! – женщина махнула рукой и улыбнулась. – Я же не была. Парни по молодости бегают, храбрость показывают. Бетро ходил. Говорит, ничего страшного не происходит, просто – тяжело. Стены давят, чувство, как будто ты один во всём мире остался, как будто никто и никогда тебя не найдёт. И словно наблюдает кто-то. Погибали ли прежде? Нет, не помню. Но всё равно страшно. Потому и место плохое, и лезть туда не хочется. Мы же говорили.

– Говорили, – со смешком согласилась я. – Только вы всегда так расплывчато говорите, что свихнёшься, пытаюсь понять. И тут – не то отвечаете, не то уходите от ответа.

– Потому что не всё можно и нужно знать, – сообщила она поучительно. – Знания опасны и часто вредны. Мы это знаем и не суём хвосты туда, куда не стоит, когда-нибудь поймёте и вы. Пойдём, Тамара. Мужчины вернулись, я тебя покормлю, заодно Бетро спросим.

В большой комнате стало оживлённей: вроде бы харры не шумели, но присутствие сразу нескольких мужчин изменило атмосферу комнаты. В кухне что-то шкворчало, а трое посетителей, включая Ипро, мирно беседовали – нормальная жизнь.

– Хвостик! – окликнула женщина. – Где ты, дело есть!

Ласковое обращение заставило нескольких присутствующих сдаться смешки в кулаки. Бетро тут уважают, а то и побаиваются, тем веселее им слышать вот это умильное и совсем

детское «хвостик». Мне-то забавно применительно ко взрослому сильному мужику, а уж местным...

– Что случилось? – выглянул из кухни невозмутимый хозяин.

Эрра подалась ближе, вытянулась, чтобы прошептать ему несколько слов в ухо. Ухо в ответ пару раз нервно дёрнулось, бесконтрольный хвост – ласково обвил хвост женщины. У них это очень «болтливая» конечность, сразу выдающая и настрой, и отношение. Даже при- сказка есть «держать хвост клинком» – то есть быть настороже, в боевой готовности и жёстко себя контролировать. И в пикку ей неодобрительная характеристика «хвост что палка», кото- рой награждают сдержанных и малоэмоциональных существ, каковых жители Индры вообще- то очень не жалуют.

– Это плохая мысль, – с укором посмотрел на меня Бетро.

– Я знаю. Так есть кто-нибудь подходящий?

– Если только Нидар согласится, – пожал плечами харр.

– Ай, да с чего бы это ему соглашаться! – не поверила Эрра. – Такой умный мальчик...

– Да. И ответственный, – непонятно чему усмехнулся мужчина. – Но если согласится – только он.

– Почему? – нахмурилась я.

– Потому что он спокойно относится к этому месту и не испытывает перед ним тре- пета, – отозвался Бетро и шевельнул вибриссами. Кажется, добавил что-то персонально для своей пары, чтобы я не слышала. Конечно, стало жутко любопытно, но я сдержалась от рас- спросов. Вместо этого перешла сразу к делу:

– И где его искать?

– Да что искать, сам вечером придёт. И что вам это место покоя не даёт?

– И не говори, сама не рада, – хмыкнула я в ответ, но тут же осеклась, уцепившись за оговорку. – погоди, а кому «нам»? Туда кто-то ещё ходил? Вроде же запретили исследования... Я даже боялась, что вы меня туда просто не пустите!

– Да шныряют тут, говорливые, – он передёрнул плечами. – Давно уж ходят. А ты, значит, не с ними? Ну и тем более – что тебя не пускать, если это твоё личное дело.

– Не с ними, я сама по себе. И, насколько знаю, никаких экспедиций и официальных делегаций туда не планировалось. Разве что они по уголовной части, дело-то о смерти так и не закрыли, – пробормотала себе под нос, не очень-то веря в такой вариант.

– По какой части? – удивился Бетро. – Пойдём уж на кухню, там поговорим.

– Хвостик, ты бы девочку покормил сначала, а потом всё остальное!

– Мы совместим, – поспешила поддержать я идею харра.

– Ай, делайте как знаете! – махнула руками Эрра и ушла здороваться с Ипро, а я за её мужчиной проскользнула в соседнюю комнату.

У харров кухня относится к «грязным» частям дома, поэтому чаще всего размещается в пристройке, за пределами основных стен. Тут под неё был приспособлен балкон под навесом верхнего этажа, загороженный от непогоды и любопытных глаз лёгкими стенками, хитро спле- тёнными не то из травы, не то из коры.

Пара столов, пара табуретов, два больших шкафа вдоль стен, раковина с краном. Воду харры не подогревают, считают и так достаточно тёплой; к этому сложно привыкнуть, но при- ходится. Небольшая круглая печка с крышкой и на ножках: при необходимости можно было как разгрести угли в стороны и сунуть что-то между ними, так и запалить костёр и поставить посуду сверху на открытый огонь.

– Значит, не твои это? – возобновил прерванный разговор Бетро и принялся шустро строгать овощи грозного вида ножом.

– Не мои. Я предположила, что они, может, из следователей, у вас их шретами⁷ называют. Но, знаешь, странно как-то... Столько лет прошло, что им тут сейчас делать? Вряд ли появилось что-то новое, откуда! Ой, так, может, это журналисты? По-вашему, то есть, вроде писателей.

– Странные у вас писатели, если это они, – сказал харр.

– А когда они вообще появились-то?

– Появились... да уж года три захаживают. Нечасто, и вроде разные, но хвостом чую – одна стая.

– И чем странные? Чего хотят?

– Непонятно, – Бетро недовольно прижал уши и раздражённо дёрнул хвостом. – Спрашивают, не было ли чего странного, не приходил ли оттуда кто-то, не появлялись ли урши. Я им каждый раз про их же предыдущих говорю – кривятся, но молчат. О тех-то явно знают, кого-то другого ждут. Уж не тебя ли? – он глянул на меня через плечо.

– Вряд ли. Бетро, мне просто снятся сны, уже несколько лет. Про то, что храм этот не заброшен, и про то, что в нём живут и управляют им твои сородичи. В странных зелёных одеждах, почти одинаковых. Я не помню деталей, но нечто вроде тех платьев, которые Эрра носит. И меня... Знаешь, наверное, правильно будет сказать – меня туда тянет. Я не могу объяснить это рационально. Я честно пыталась избавиться от этого желания, но оно не проходит, и сны снятся чаще. Не знаю, на что я рассчитываю, но... в общем, я решила попробовать не бороться с собой, а просто прилететь сюда и дойти до храма. Как бы глупо это ни выглядело. Так что – нет, я понятия не имею, кто ещё интересуется этим местом, я тут по личному делу.

– Тянет, значит? – задумчиво покосился на меня Бетро.

– Ты что-то об этом знаешь? – насторожилась я.

– Поговори с Нидаром. Я-то ничего не знаю, а он про храм тоже одно время вот вроде твоего говорил, что там не страшно совсем, и интересно, и тянет. Давно, правда, он моложе тогда был, погорячее. Но если тебя кто из наших поймёт – только он.

– А почему не он выступал проводником тогда, в экспедиции? Если ему там, в отличие от остальных, спокойно.

– Да я уж не помню, где-то его в других краях носило, – отмахнулся Бетро. – Да и недолюбливал он тогда ваше племя.

– А сейчас долюбивает? – спросила я мрачно.

– Сейчас повзрослел, – харр улыбнулся. – Не бойся, вреда не причинит, к уршам он сейчас лучше относится. Если договоришься, хороший выйдет проводник.

– Ладно, попробую. Но я так и не поняла про тех, кто о храме спрашивает. Что в них не так? Ну кроме того, что они одна стая? Почему они кажутся тебе странными?

Бетро помолчал, помешивая на большой плоской сковородке что-то одуряюще пахнущее жареным мясом и специями.

– Они другие, – наконец, сформулировал мужчина. – Вот я тебя знаю, остальных твоих умников помню. Горячие головы знаю, вроде молодых харров, которые в лес идут не то по глупости, не то от лишней силы. Шретов тоже помню, которые искали, кто твоих убил. Хитрохвостых всяких видел, которые тут раньше шныряли, всё надеялись пожить чем ценным. Наглых, которые нас выгнать пытались, тоже навидался, и главных ваших, которые потом за них извинялись. А эти другие. И вроде не трусят, точно как вы или шреты, и вроде лишнего себе не позволяют, как те нахалы, а всё равно холка колом, как поговоришь.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я. – То ли это какие-нибудь безопасники... Это такая особенная разновидность шретов, которые за самые серьёзные дела отвечают. То ли,

---

⁷ Шреты – у харров одновременно исполняют функции следователей и судей, на местном языке это производное от слова «справедливость».

наоборот, какие-то преступники. Они что, думают, пропавшие охранники в лесах эти годы прятались? И действительно верят в официальную версию? – последний вопрос был риторическим.

Бетро не стал уточнять, что я имею в виду, и вообще предпочёл закончить болтовню, поставив передо мной тарелку с коротким и строгим:

– Ешь.

Отказываться я, конечно, не стала. Мне вообще кухня харров нравится, когда это не что-то очень сладкое, а уж Бетро готовит так, что я каждый раз с удовольствием вылизываю тарелку. Благо тут эта дурацкая привычка, на которую мама постоянно ворчит, служит комплиментом повару, а не нарушает правила приличия. У них даже тарелки специально для этого низкие и широкие: чтобы не извозиться по уши.

Общаться, тем более общаться с незнакомыми харрами, для которых я экзотика и вообще забавный инопланетный зверёк, настроения не было. Обычно это довольно весело – знакомиться с представителями других разумных видов. И взаимный осмотр зубов, щупанье ушей, шерсти, крыльев проходит весело – если, конечно, все участники посиделок настроены дружелюбно и не обижаются даже на то, что считается в их культуре оскорбительным, а объясняют, почему так делать нельзя.

Но на Индре я уже через это проходила. Тогда действительно было смешно и здорово, и хохотали мы до слёз, и даже сурыр не казался таким мерзким. Балагур и треплю Лю спьяну брался с кем-то из хвостатых, мы с Мисси учили ещё одного древним, народным земным танцам не пойми каких народов, в которых и сами не очень-то понимали. Все шумели, смеялись, и даже старшее поколение взирало на эту вакханалию снисходительно.

Но все они остались там, в храме. И вроде бы отболело, и я даже сумела простить себе, что выжила, но вспоминать всё равно горько. А здесь совсем ничего не изменилось за прошедшие годы, и я...

В общем, я предпочла забрать забытые во время разговора с Эррой вещи, прихватить там же пару книжек и подняться в выделенную хозяевами комнату.

Читать на харрском я наловчилась ещё перед отправкой на Индру: у них забавная письменность, состоящая из отдельных значков. Похоже на то, как будто по строчке пробежалось несколько разных крошечных птичек и зверьков. С шимкой это довольно просто, она подсказывает перевод, нужно только немного приноровиться. Конечно, знанием письменности, как и знанием языка, вот это восприятие через переводчик не назовёшь, но мне хватало.

За прошедшие годы я ни разу не открывала их книжек, хотя несколько привезла на память. Думала, растеряла все навыки, и взяла пару томиков наугад, просто чтобы убить время и занять голову. Но нет, навык забылся не так крепко, и через полчаса я уже бегло читала. Попала удачно, это оказался сборник стихов весьма известного местного поэта, а их поэзия мне нравилась.

Вообще у них очень богатая литература. Изобразительное искусство развито слабо, а вот книги харры любят, это главное местное развлечение. Я тот ещё знаток, но по словам специалиста – литература жителей Индры столь же своеобразна в своих традициях, как и они сами. Например, харры очень не любят описывать дорогу, делают это довольно редко и обычно просто опускают.

Однако долго наслаждаться прекрасным не получилось. Только я вчиталась, как жутко разболелась голова, словно в лоб и глаза начали вбивать по гвоздю. Поначалу боль была терпимой, но чем дольше я пыталась её терпеть, тем сильнее она в меня вгрызалась. Отвыкла я, что ли, от местного электромагнитного фона? Или на погоду начала реагировать?

Благословив собственную предусмотрительность, я распотрошила аптечку, собранную по всем правилам выживания в дикой природе. Лекарство принесло облегчение почти сразу, но вместе с ним – слабость, заявленную как типичный побочный эффект. Поскольку никакой

полезной деятельности от меня сейчас не требовалось, то я решила не прибегать ни к каким тонизирующим веществам, включая даже самые безвредные, а просто завалилась спать.

Выключилась почти мгновенно и, кажется, без сновидений. Во всяком случае, когда меня разбудила Эрра, ничего такого не вспомнила. Слабость после таблеток выветрилась, я опять чувствовала себя бодрой и полной энергии, несмотря на то что за небольшим одиноким окном уже совсем стемнело.

– Нидар пришёл, Бетро его сейчас кормит, чтобы поправился, – весело сообщила она. – Спускайся.

– Спасибо!

Я выпуталась из невесомого мягкого одеяла, быстро оделась. Бельё – удобное, новенькое, с функцией самоочистки, – простая майка, водостойкие штаны с кучей карманов, высокие ботинки с терморегуляцией. Куртку оставила в комнате, потуже переплела косу, перевела шимку в режим ночного зрения и почувствовала себя готовой к великим свершениям. Правда, не очень понятно, как я буду уговаривать на них незнакомого харра, которому и даром не нужны такие прогулки, но – что-нибудь придумаю.

Внизу пришлось поменять настройки шимки, какое-никакое освещение тут было, а именно – пара длинных тонких свечей в разных концах зала. Потому что в темноте-то харры, конечно, видят, но не в абсолютной же, и для чтения им освещение требуется, и для какой-то другой мелкой работы. Не говоря уже о том, что свет живого огня они находят очень красивым и приятным.

Сразу стало легче, картинка перестала запаздывать, а вместе с этим – кружиться голова.

Здесь меня перехватил Бетро. Вернее, заметил, подозвал жестом и подвёл к сидящему отдельно харру.

– Вот, это Нидар. Нир, это Мара, про которую я говорил. Разговаривайте, – напутствовал он и ушёл к другим собеседникам, а я решительно плюхнулась на стул напротив своего будущего проводника, полная решимости не вставать отсюда до тех пор, пока он не согласится с этой ролью.

Нидар оказался довольно светлокотлым по местным меркам и восхитительно, вопиюще, очень по-кошачьи рыжим, даже с едва уловимыми белыми полосками, так что я едва сдержалась от улыбки. Ну один в один – Кекс, домашний любимец родителей. Разве что у этого глаза зелёные.

А ещё, что я отметила чуть погодя, харр даже по местным меркам был крупным, побольше Бетро и большинства других моих знакомых. Мощная шея, широченные плечи, на груди – несколько крупных клыков и когтей на шнурках. На правой руке несколько кожаных браслетов разного плетения: один над внушительным бицепсом и штук пять – на запястье. И, судя по вилке, левша, тоже редкость.

– Зачем тебе это надо, маленькая урши? – спокойно, безо всякой насмешки спросил Нидар, и я приободрилась. Он, по крайней мере, настроен на разговор и не отказывается сразу и категорически, это даёт надежду. Впрочем, не удивительно, вряд ли Бетро посоветовал бы мне какого-нибудь откровенного хама.

А что «маленькой урши» называет... ну так в сравнении с ним я действительно мелкая, и это он ещё сидит.

– У меня нет разумного ответа на этот вопрос, – ответила со вздохом. Уж что-что, а врать тут точно не стоило.

– И зачем ты *хочешь* туда попасть? – мой ответ харра явно озадачил.

– Как раз наоборот, я очень не хочу туда идти, – усмехнулась нервно. – Но есть глупое ощущение, что я должна туда вернуться. Поскольку наука и медицина мне с моей проблемой не помогла, я решила попробовать довериться интуиции.

– Ты там уже была?

– Четыре года назад, погибшая экспедиция, – кивнула я.

– Погоди, так ты та самая девочка, которая выжила? И теперь хочешь исправить случайность? – улыбнулся он с лёгкой насмешкой.

– Нет, против этой случайности я ничего не имею, – поморщилась в ответ. – То есть лучше бы, конечно, живы остались все, но раз уж я каким-то чудом уцелела – отказываться от этого шанса не собираюсь. Понимаешь, в чём проблема...

И я в третий раз за сегодня рассказала про сны. Чувствую, к моменту возвращения на Землю об этой истории будет знать весь Индра.

Несколько секунд мы помолчали, причём рыжий рассматривал меня оценивающе, пристально. Вопросов почему-то не задавал, в здравости моего рассудка не сомневался, да и заговорил после паузы на неожиданную тему.

– Это плохая идея, маленькая урши. Идти далеко, сложно. Одно дело – когда большая группа, ни один зверь не сунется. Но вот так... Там дикие места, опасно. Ты просто не дойдёшь.

– Если это единственная проблема – не переживай, я не такая хлипкая, как тебе кажется. По нашим меркам даже очень крепкая.

– Подумай ещё, – он неодобрительно качнул головой.

– Ладно, давай так. Если я уложу тебя на лопатки в драке, эта твоя претензия снимается, – я поднялась. – Всё честно, без оружия, один на один.

– Маленькая урши никогда не видела харра в драке? – улыбнулся Нидар, смерив меня взглядом.

– Ну тебе же это ничего не будет стоить. Мы же не всерьёз дерёмся, и я сама тебя прошу, – загорелась я идеей. – Никто не скажет, что ты дрался с женщиной, считай это шуткой. Не скажет ведь? Тренировочный поединок, – обернулась я к Бетро, улыбающемуся в усы.

– Я чего-то не знаю об урши? – вопросительно уставился на него же рыжий.

– Всё честно, – заверил тот. – Я тоже хочу на это посмотреть.

Ещё бы не улыбался. Он-то знает.

– Ну не волнуйся. Я верю, что ты будешь аккуратен, – весело добавила, едва не подпрыгивая на месте от нетерпения.

Подначивать и брать на слабо, предполагая, что Нидар чего-то боится, я не стала: глупо и оскорбительно, и если вдруг он решит проучить наглую девчонку, это плохо кончится. Нет уж, моё главное оружие здесь – его любопытство. Пусть смеётся, пусть забавляется, пусть гадает, в чём подвох, и просто считает меня ненормальной чудачкой. Всё равно он до последнего не поверит, что я смогу его одолеть.

– Ладно, – сдался наконец рыжий и поднялся. Я правильно оценила, он действительно оказался огромным: если опустить на пятки, будет выше меня на голову, и даже больше, а так я макушкой не доставала ему и до подмышки.

Тут уже мы окончательно стали центром внимания. Присутствующие весело смеялись, в основном надо мной, подначивали на тему того, насколько мне понравился большой рыжий харр, что даже не побоялась привлечь внимание таким способом. Впрочем, с точки зрения местных, это был скорее комплимент и проявление некоторой зависти к Нидару: аборигены ценят в женщинах решительность и характер, и такое вот внимание любому молодому и холостому харру было бы приятно, даже если конкретная женщина ему неинтересна.

Ну а отношение к тренировочным боям у них совсем простое, и никаких особенных ограничений на них нет, может хоть ребёнок со взрослым встать. Потому что это не драка и не размолвка, а просто разминка и чаще всего обучение. И соглашаясь на такой бой, любой принимает на себя ответственность: одновременно обещает не причинять серьёзного вреда и быть аккуратным, но сознаёт возможность случайной травмы.

Нидар сбросил жилетку, снял ремень, который не поддерживал штаны, а служил для ношения оружия – двух кинжалов грозного вида, длиной больше моей руки, и ряда метатель-

ных ножей, излюбленного средства местных охотников. Я следовать примеру и раздеваться, конечно, не стала, только выразительно похлопала себя по карманам, давая понять, что они пустые, и прошла на свободное пространство в центре зала, на ходу разминаясь.

Рыжий последовал за мной – высокий, крупный хищник с вальяжными движениями, полными уверенности в себе и сознания собственной силы. Все харры особенно красивы именно вот так, в движении, но мой нынешний противник всё равно выделялся. Невероятно хорош! Сразу видно – сильный воин, настоящий, и любой сородич пять раз подумает, прежде чем всерьёз выйти против него. Впрочем, чему удивляться? Бетро вряд ли мог посоветовать мне для путешествия кого-то менее опытного.

По мере приближения походка Нидара стала более мягкой, стелющейся, пружинистой. Присогнутые ноги, медленно ходящий из стороны в сторону хвост – может, всерьёз мужчина меня не воспринимал, но и глупо поддаваться не собирался. Понимал, что не просто так Бетро веселится.

А я постаралась расслабиться, тоже смягчить ноги и вспомнить всё, чему меня учили.

Пара медленных кругов по залу с обманно резкими движениями со стороны Нидара – просто проверка. И если я в подобных не нуждалась, точно зная, что противник мне достался опасный и серьёзный, то в рыжем с каждым мгновением разгорался интерес.

Быстрое, едва уловимое движение, в конце – удар. Уклоняюсь, не задумываясь о блоках: даже если харр ничего мне не сломает, я же от первого тычка улечу через весь зал!

Пара обманных выпадов, серия ударов – я пропускаю все мимо, не позволяя задеть себя и на волос.

В глазах противника, в прижатых ушах, в хлещущем хвосте – азарт и жгучее любопытство. Вокруг улюлюкают и подначивают, звучат, кажется, даже грубые и пошлые замечания, только я не вслушиваюсь, а Нидар – тем более.

Ещё серия ударов. У него они отнимают не так много сил, и выносливости харру хватит надолго. Даже если не сможет достать, он просто меня загоняет. Он сильный, он опасный, он грозный противник, с которым не тягаться человеческой девчонке, пусть даже я, по земным меркам, совсем не маленькая и не хрупкая.

Но я знаю один секрет.

Вместе с очередным ударом – движение противника всем корпусом вперёд. То самое, которого я ждала. Почти нежный захват огромной руки, шаг с поворотом, подножка и лёгкий толчок, доворот... И звучный «шмяк!» тяжёлого тела об пол.

Повисла звенящая, растерянная тишина: никто вот так сразу не поверил, что какая-то пигалица легко, почти играючи опрокинула огромного мужика. И тот лежит, не шевелится, и вообще – живой ли?

Последний вопрос интересовал и меня. Вроде я не так уж его приложила, крепкий, не должен пострадать, но мало ли!

– Эй, проводник, ты как? – спросила, осторожно подходя, и присела рядом на корточки.

Нидар лежал на спине с открытыми глазами и с непередаваемым выражением лица рассматривал потолок. Когда я приблизилась, едва заметно вздрогнул, видимо, от неожиданности. Сел, опираясь на широко расставленные руки, смерил взглядом – и расхохотался. Радостно так, заливисто, даже слегка запрокинув голову. Я облегчённо перевела дух, потому что боялась куда более нервной и негативной реакции. Следом за рыжим отмерли и загомонили остальные.

– Хитрая маленькая урши! – отсмеявшись, проговорил Нидар. – Подловила. Как ты это сделала?

Он поднялся, я тоже выпрямилась. Вопрос харра поддержали остальные, кто-то даже попросил показать.

– Нет уж, должны быть у слабой женщины свои секреты, – отмахнулась я от страждущего, остальные захохотали громче, а мы с рыжим тем временем вернулись к столу. Мужчина набросил жилетку и сел, ремень застёгивать пока не стал.

– А всё-таки?

– Я в прошлый раз видела, как вы дерётесь, – пояснила тихо. – Обратила внимание, что в вашей рукопашной борьбе совсем нет бросков, а мне как раз эта часть приёмов всегда особенно нравилась.

– Особенно? – с нажимом уточнил он. – А остальное?

– А остальное уже не так.

– Мне казалось, урши не любят драться, особенно женщины. Даже наши редко этому учатся, они предпочитают ножи, – он выразительно хлопнул ладонью по лежащему на столе ремню.

– Мой отец – потомственный военный, офицер. Хотя вы же не воюете, как бы это...

– Я понимаю, о чём ты, – прервал он. И пояснил в ответ на озадаченный взгляд: – Мы тоже стараемся узнать о вас побольше.

– А, ну тогда проще. В общем, он офицер, и нас у него четыре дочери. Нинка, старшая, пошла по стопам отца, продолжает династию, я... ну вот как-то не сложилось, из младших там тоже непонятно, что ещё вылупится. Но к воспитанию всех четырёх отец подходил основательно. Стрелять и драться мы умеем все. Ну не профи, конечно, но постоять за себя, вот так воспользоваться эффектом неожиданности, как сейчас, – можем. Ты не думай, я прекрасно понимаю, что, дрались бы мы всерьёз, ты бы меня по стенке размазал, и по дороге геройствовать не буду. Я жить хочу.

– Судя по всему, отец хотел сына? – усмехнулся Нидар.

– Как раз наоборот, – возразила ему. – Он очень обижается на такие предположения и не отказался бы ещё от пары дочек. Он нас очень любит.

– И отпустил тебя сюда одну? – мужчина насмешливо вскинул брови.

– Не будем об этом, – поморщилась я. – Ты же не пойдёшь жаловаться моему папе?

– Может, и стоило бы, – он недовольно дёрнул правым ухом. – Но не буду, обещал же проводить.

– Погоди? Вот так просто? – растерялась я. – Мы вроде договорились только до моей способности выдержать дорогу. И ты уже согласен? И что взамен?

– Научишь меня вот этим приёмам, – он задумчиво кивнул в сторону центра зала.

– И всё? – не поняла я.

– А что надо?

– Ну не знаю, обычно просят какую-то плату. А ты вдруг соглашаешься тащить меня туда, куда харры вообще-то стараются не ходить, потратить несколько дней своего времени... Извини, но это заставляет нервничать. Зачем это тебе?

– Мне любопытно, что из этого выйдет. И место это интересно.

– И всё? – продолжила допытываться я.

– За тебя попросил Бетро, я его уважаю и не против оказать ему услугу, – как-то странно улыбнулся Нидар и, растопырив вибриссы, что-то просигналил хозяину дома. Тот не обернулся и вообще как будто не заметил, но моего собеседника это не смутило. – А других ответов у меня нет. Можешь отказаться.

– Нет-нет, я только в выигрыше, всё равно не представляю, чем с вами можно расплачиваться, если у вас денег нет, а сделать что-то полезное в ответ я не могу.

– Можешь считать обучение платой, если тебе так спокойнее, – отмахнулся харр и внезапно сменил тему. – А ты совсем не боишься идти вдвоём с незнакомым мужчиной в лес? Может, у меня совсем не мирные намерения?

– Во-первых, тебя посоветовал Бетро, а ему я верю, – с улыбкой вернула я рекомендацию. – А во-вторых, какие ещё у тебя могут быть намерения на мой счёт? Взять в заложники? Изнасиловать под кустом? Глупость какая. Я достаточно много про вас знаю, вы так себя не ведёте. Нет, ну наверняка попадаются всякие мерзавцы, но вряд ли Бетро бы так меня подставил.

– Договорились, – кивнул Нидар с задумчивой улыбкой. – Может, ты ещё и с тсорами ладишь?

– Чего нет – того нет. Твари они забавные, конечно, и вообще кошмар биолога, но научиться ездить было некогда. А что, ты хочешь верхом? Мне казалось, так только риск выше, да и не везде проедешь...

– Можно было бы сократить путь на день, – пояснил он. – Доехать до леса. Подумаю. Утром выйдем. Ещё мне надо посмотреть, что у тебя есть из вещей.

– Да хоть сейчас! – легко согласилась я. – Вот прямо этим утром пойдём? И у тебя никаких дел нет, и отдохнуть не надо, и собраться?

– Отдохнуть я успею, до утра далеко. Собирать нечего, кое-какие мелочи Бетро даст. А дела... Были бы у меня сейчас неотложные дела, меня бы здесь не было. Всё? – усмехнулся, поднимаясь.

– Пока да.

Моей подготовкой и количеством вещей Нидар оказался удовлетворён и, кажется, приятно удивлён. Ни к чему не придирался, одобрительно кивал на аптечку, лёгкий спальный мешок, минимум гигиенических средств и сменной одежды. Только маленькая «Оса» – карманный дамский парализующий излучатель – вызвала насмешливую улыбку.

– И против кого это работает? – спросил, вертя в руке оружие. Мужчина сидел прямо на полу, скрестив ноги, я на табуретке – напротив, а между нами лежал выпотрошенный рюкзак. Шимку опять пришлось перевести в ночной режим, но сейчас это доставляло мало неудобств.

Иронию харра легко можно было понять: «Оса» даже для моей руки маловата, а в его лапе она вообще смотрелась игрушкой. По-моему, у него под скобу и мизинец не пролезет.

– Против людей, – ответила спокойно. – По большей части. Просто это единственное оружие, которое свободно продают гражданским, разрешения на что-то более серьёзное у меня нет. Получить можно, но отец непременно заинтересовался бы, что со мной случилось и зачем всё это вдруг понадобилось.

– Он учил тебя драться и стрелять, а оружие вызвало бы вопросы? – озадачился Нидар.

– Он учил защищаться. А вернее – выкроить время, чтобы успеть убежать и позвать на помощь, – возразила я. – А оружие... ну не люблю я его, я вообще пацифистка. И он это знает.

– Ты – кто?

– Те, кто выступает против решения вопросов военным путём. Я не люблю войну, не люблю оружие и надеюсь, что когда-нибудь человечество достигнет такого морального уровня, когда воевать не придётся вовсе.

– А если встретится враждебный разумный вид? – заинтересовался рыжий.

– Слушай, ну вот только ты ещё не начинай! – Я вскинула руки в защитном жесте. – Мне домашних с этими подколками хватает. Да, я понимаю, что это утопия, что Вселенная несовершенна и за место в ней нужно бороться, неся большие потери. Но я и не призываю никого срочно сложить оружие и возлюбить ближних. Это просто мечта, она не обязана быть достижимой!

– Не обижайся. – Нидар прижал уши, выражая досаду и неловкость, и улыбнулся. – Это хорошая мечта.

– Да ладно, извини, это уже я вспылила, откуда бы ты мог знать...

– Что значат эти надписи? – он неопределённо дёрнул головой и, когда я не поняла вопроса, уточнил. – На твоих руках. На правой дерево и животные, а на левой?

– А, нет, тут всё скорее наоборот, – улыбнулась я. – Вот эти полосы со значками, похожие на браслеты, – я провела по левой руке снизу вверх, – символизируют мировые сферы в индуизме. Это... В общем, одна из древнейших религий и философий на Земле. Это всё не очень похоже на действительное устройство мира, да оно больше и не про реальность, данную в ощущениях, а про путь души. По этой философии душа бессмертна и путь её лежит из низших миров к высшим через самосовершенствование в каждом новом воплощении... В общем, это очень долго объяснять, не занимай голову. Я просто этой философией очень увлекалась, пока училась, вот и сделала. Каждый «браслет» – один из «слоёв» мира, вот здесь их название на санскрите, это один из древних земных языков, и разные символы, олицетворяющие то, что существует на этом уровне мироздания. А вот это как раз надпись, – я провела пальцем по цепочке египетских иероглифов на правом плече. – Дословно переводится как: «Кто убивает, тоже будет убит. Кто приказывает убивать, тоже будет убит по приказу». Это тоже один из древних мёртвых языков. В институте это казалось очень крутым, сейчас... просто красиво. Вот это, – показала надпись на внутренней стороне правого предплечья, – тоже старый мёртвый язык, латынь. «Завтра будет лучше». А остальное... – я запнулась, проследила пальцем длинную ветвь плюща, обвивающего остальную руку и островки отдельных пиктограмм. – Это на память. Каждый вот такой значок – это кто-то из тех, кто... остался тогда в этом храме. Книга – профессор Говоров, наш учитель, это вот кисточка и палитра – Мисси, моя лучшая подруга, она очень рисовать любила. Это... В общем, всё равно ты их не знал, – оборвала я себя, чувствуя ком в горле. Ещё разреветься не хватало!

– Очень интересно, – задумчиво проговорил Нидар, глядя на меня с непонятным выражением лица. – Одновременно красиво и много смысла. Хорошее искусство.

– Ты о чём?

– Об этих рисунках на коже. Можно? – он протянул руку, явно намереваясь пощупать.

– Да, конечно, – я заставила себя встряхнуться и протянуть руку в ответ. – Только они никак не ощущаются.

– Необычно. – Он осторожно провёл кончиками пальцев по моему предплечью, щекоча и слегка царапая – кожа рук у харра оказалась грубой, обветренной и шершавой. – Расскажешь мне про эту... Индусм? Потом, по дороге.

– Если хочешь, – пожала плечами. – А тебе зачем? У вас же нет никакой религии.

– Потому и интересно, – улыбнулся Нидар. – Ладно, собирай всё обратно. Мне нравится, как ты подготовилась. Все правила расскажу завтра, по дороге.

Говоря это, мужчина поднялся. А когда я утвердительно угукнула, вышел, только кисточка хвоста перед носом махнула. Забавная такая, рыжая, в форме сердечка.

Упаковав обратно в рюкзак все одобренные проводником вещи, я собиралась спуститься вниз, к харрам: возиться в одиночестве при свете фонарика (разбирая рюкзак, я наткнулась на него и искренне обрадовалась встрече) было скучно. Читать не получится, спать же вроде бы не хотелось.

Только планы пришлось изменить в угоду боли, которая опять вгрызлась в мой лоб. Правда, на этот раз ощущения показались не настолько мучительными, вполне терпимыми. Похоже, привыкаю к новым условиям. Можно было даже без медикаментов обойтись, но я не стала себя мучить, приняла лекарство и завалилась досыпать.

Глава 3. Переправа

Утром Эрра подняла меня не так рано, как ожидалось. Я думала, что «утром» значит «выйдем на рассвете», а стоило бы учитывать местный менталитет и помнить, что харры не любят спешки.

Внизу, в большой комнате, завтракал только Нидар, остальные гости разбрелись. Бетро я тоже не увидела, тарелку мне принесла хозяйка. Рыжий сегодня был молчалив, задумчив и сосредоточен, поздоровался коротким импульсом, не отрываясь от еды. Беспokoить его вопросами я не стала, хотя причина такого настроения заинтересовала.

Да и первые пояснения относительно пути мне давала Эрра, когда мы спустились на улицу и там подошли к паре осёдланных тсоров.

– Я вас немного провожу, – сообщила женщина, глядя одного из лежащих зверей, находящегося в состоянии покоя, по длинной узкой морде. – Куда можно добраться верхом. Это седло для поездки с ребёнком, пока он маленький. Будет не очень удобно, но, мне кажется, ты поместишься. Забирайся.

– Приключения начинаются, – пробормотала я себе под нос на родном языке и без возражений полезла, куда сказали.

Ну страшно, ну и что? Выбора-то нет, а я обещала не доставлять проблем.

Ладно, очень страшно, потому что ехать предстоит не на понятном транспорте, а на непредсказуемом живом существе, да ещё каком! Недобитый вовремя метеоритом динозавр с хладагентом вместо крови. Эта рептилия носится с «крейсерской» скоростью около восьмидесяти километров в час, то есть мчатся так она может часа полтора-два. А в рывке с места развивает, говорят, до полутора сотен.

Вообще, я не уверена, можно ли тсоров считать рептилиями или биологи классифицируют их как-то иначе, но внешне похоже: гладкая почти чёрная кожа с тиснёным узором, длинный хвост с тремя плавниками на конце, мощные, жилистые задние ноги и рудиментарные передние лапы с большой кожистой складкой-перепонкой – ещё не крылья, уже не руки. Тсоры используют эти конечности как радиаторы и стабилизаторы на бегу, смешно растопыривая в стороны.

Наши учёные до сих пор не могут поверить, что подобное существо, которое за милую душу жрёт горючие углеводороды, могло вывестись само. Даже после того, как на Индре нашлось внушительное количество диких видов с тем же рационом, целые экосистемы: на планете много мест, где нефть выходит на поверхность, и местная живность научилась использовать энергетический ресурс. А тсоры не только нефть, они и каменный уголь грызут с удовольствием, если находят, и сухую древесину, если прижмёт. Правда, на деревянном рационе очень теряют в выносливости.

Метаболизм у них странный, с резкими переходами от стремительного бодрствования к неподвижности полного покоя, близкой к анабиозу: слишком значительно для обычного сна замедляются все процессы.

Пожалуй, единственный их недостаток как транспорта – низкая грузоподъёмность. Низкая, конечно, в сравнении с достижениями технического прогресса, а так сто двадцать килограммов – более чем достойный вес. Который тоже не даёт покоя биологам.

Отчасти из-за этого ограничения с нами поехала Эрра. Можно было пристегнуть детское сиденье к тсору Нидара, но этот харр и сам небось весит больше сотни, так что зверушка просто не вывезет двоих. А сажать меня одну... Проще сразу пристрелить. Нет уж, я лучше вот так, багажом. К тому же, кто-то же должен вернуть зверей обратно.

Аборигены надели специальные защитные маски с очками, выдали мне похожую. Та оказалась великовата и сидела очень неудобно, но альтернативой было обветрить лицо и наестся

насекомых, так что пришлось смириться с мелкими неудобствами. Я вцепилась в страховочный ремень, благодаря судьбу за его существование, и мимо замелькали деревья.

В первый момент сердце стукнулось в горле и рухнуло в пятки, но потихоньку оттуда выбралось, когда стало понятно, что не так страшен тсор, как мои мысли о нём. Бежал зверь достаточно плавно, я быстро приноровилась, да и правила им Эрра ловко и уверенно. В конце концов я даже пожалела, что не получится вот так проделать весь путь. А ведь на самом деле удобно, почти как на мотоцикле, если не задумываться о том, что тварь эта живая.

Вскоре я ещё раз напомнила себе, что вообще-то в отпуске, и, окончательно расслабившись, начала глазеть по сторонам и наслаждаться прогулкой безо всяких заморочек. Тем более полюбоваться было на что, да и погода радовала – теплынь, голубое небо в белых кляксах облаков.

Этот регион, где по странному совпадению находятся космопорт и древний храм, заметно отличается от прочих обитаемых территорий. Здесь очень много земель расчищено под сельскохозяйственные нужды, гораздо больше, чем в других местах. Огромная равнина, на которой сады чередуются с полями и почти нет островков дикой природы. Именно эту часть пути Нидар решил «сэкономить» за счёт тсоров.

Правда, чем дальше мы ехали, любуясь пасторальными сельскими пейзажами и наслаждаясь погожим деньком, тем больше сомнений у меня возникало. Потому что если верить карте, Бетро жил совсем близко от леса, и выходило, что сейчас мы закладываем большой крюк. В компетентности рыжего харра сомневаться не приходилось, но всё же хотелось знать, почему он выбрал именно такой странный маршрут.

Окончательно я утратила понимание происходящего, когда мы выскочили к берегу реки – не особо могучей, но всё-таки широкой и полноводной, совсем не лесной ручей, – за которой возвышалась живая зелёная стена. Некоторое время бежали вдоль воды, между прибрежным кустарником и чередующимися квадратами разноцветных полей и садов, заметно сбросив скорость, а потом и вовсе остановились в сырой низине. Здесь река немного разливалась, подмыв противоположный песчаный берег, и в русле виднелись островки. С нашей стороны здесь впадал ручей.

– Приехали, – сообщила Эрра, стягивая маску и останавливая тсора возле ручья. Тот тут же лёг на брюхо и, погрузив морду в воду, начал жадно пить.

Харра легко спустилась на землю, гораздо менее грациозно сползла за ней и я.

– А почему мы тут идём? Мне казалось, в прошлый раз была другая дорога, – обратилась я к проводнику.

– Тут удобнее, – лаконично отозвался он. Обменялся короткими импульсами с Эррой, моя шимка их не поймала, и, поправив небольшой серо-зелёный рюкзак на плечах, так же коротко спросил: – Готова?

– Вроде бы, – ответила неуверенно и тоже проверила снаряжение. Подтянула лямки и пару раз подпрыгнула на месте, чтобы убедиться, что всё держится хорошо и ничто не мешается. – Спасибо! – обратилась к женщине.

– Лёгкой дороги, – улыбнулась она в ответ. – Мы отдохнём и обратно, твой зверь будет у нас.

Нидар кивнул и, поманив меня ладонью, двинулся к прогалине между кустами, явно намереваясь спуститься к воде.

– Что-то случилось? – не выдержала я через пару мгновений.

– То есть? – глянул он через плечо.

– Ты какой-то нервный и угрюмый. Что-то не так?

– А, – Нир как-то непонятно дёрнул головой и недовольно отмахнулся хвостом. Как раз в этот момент мы спустились к кромке воды, мужчина обернулся, и я сумела оценить странное выражение его лица – не то досада, не то веселье, не то смущение. – Не обращай внимания.

– Это сложно, – сказала честно. – Мы тут с тобой вдвоём, и от тебя зависит моя жизнь.

– Просто утро, – усмехнулся рыжий. – Не люблю рано вставать, всегда настроение от этого портится. А сегодня пришлось. И надо уже привыкать, в лесу тоже придётся, в тёмное время двигаться опаснее...

– Тьфу! А всякие ужасы думать начала! – облегчённо рассмеялась в ответ. – Тогда могу оставить в покое.

– Да ладно, что уж теперь. Пойдём, тут мелко, – он кивнул на реку.

– Мелко тебе или мелко вообще? – спросила я с иронией, выгнув брови.

Нидар смерил меня оценивающим взглядом, фыркнул насмешливо и проговорил, опускаясь на корточки:

– Я так и знал, что этим всё закончится и ты сядешь мне на шею.

– Я просто спросила, я, если что, плавать умею! – растерялась я.

– Да ладно уж, садись. Только за уши не хватайся, больно. Ну?

Последний оклик заставил меня стронуться с места и всё-таки подойти к харру ближе.

– Меня последний раз так отец катал, когда мне лет пять было.

– Да я тоже последний раз так сестру катал лет пять назад, – поделился мужчина и, придерживая меня за бёдра, плавно выпрямился. Первым порывом было всё-таки схватиться за уши, но я пересилила себя и вцепилась в лямки рюкзака, чтобы создать иллюзию опоры.

Вин! Нет, я ему вполне доверяю, не уронит, но... какой же он всё-таки высокий, а!

В этот момент Нидар встряхнулся, поправляя ношу на плечах. Конечно, этого я не выдержала и, взвизгнув от неожиданности, ухватилась за единственную доступную «ручку».

– Р-руки! – сквозь зубы процедил харр, рефлекторно крепче сжав в ответ мои бёдра.

Синяки точно останутся, что ж он такой сильный-то...

– Прости, – поспешила я выпустить многострадальные уши и виновато пригладила короткий встопорщенный рыжий мех. – Но в следующий раз, когда так резко дёргаешься, предупреждай. У меня обезьяньи гены просыпаются, я пытаюсь ухватиться за первую попавшуюся опору.

– Хорошо, что у тебя нет когтей, – усмехнулся он. – За руки мои держись. Готова?

– Поехали! – кивнула я, послушно уцепившись за жёсткие ладони мужчины. Они действительно оказались замечательной альтернативой ушам. Уж всяко надёжнее!

Правильно я подняла этот вопрос про глубину брода. Мелко там было с точки зрения рослого харра, то есть ему по подмышки, а я бы, пожалуй, и с головой кое-где под воду ушла.

Пока шли, я вновь восхищалась точностью и совершенством вестибулярного аппарата аборигенов. Да, у них есть хвосты, это помогает сохранять равновесие на двух таких маленьких точках опоры, но всё равно удивительно. У Нидара даже с довеском в виде меня не наблюдалось никаких проблем с равновесием, и это с учётом скользкой, неустойчивой поверхности под ногами и течения – пусть не слишком стремительное, но оно было.

Где-то на середине реки, на отмели, харр вдруг замер и развернулся вниз по течению. Вытянулся, приподнявшись «на цыпочки», растопырил вибриссы и насторожённо повернул уши.

– Что такое? – через несколько мгновений шёпотом спросила я, боясь шевельнуться.

– Ерунда, – ещё через пару секунд Нидар отмахнулся от меня ухом, как от надоедливой насекомого, и продолжил путь.

Вода в реке была тёплой, воздух – тоже, поэтому я бы даже не отказалась немного промокнуть. Но не сложилось, штаны и ботинки показали себя с лучшей стороны. На берегу харр аккуратно ссадил меня, очень по-кошачьи брезгливо отряхнул лапы и полез в рюкзак, откуда достал трок – плод любви мачете с сапёрной лопаткой. Очень популярный у местных инструмент, который как только не используют. Им только драться нельзя, причём не с технической точки зрения, а с моральной.

При общем слишком спокойном и диком, на взгляд современного человека, отношении харров к убийствам, использовать для этого трок нельзя, отнять с его помощью жизнь – это страшное преступление, и вообще очень оскорбительно. Наказывают даже за убийство животного таким орудием, пусть и не очень строго. Может, только самозащиту простят, и то – женщине или ребёнку, а не взрослому мужчине.

– Может, всё-таки расскажешь, почему мы пошли именно этим путём? – спросила я, с интересом разглядывая близкую зелёную стену густого влажного леса, от которого тянуло гнилью, удушающе-сладким и остро-свежим. Станный и очень сильный запах, в первое время от него даже голова кружится – я прекрасно помнила это по прошлой поездке.

– Потому что мы идём вдвоём, – пояснил Нидар, опять внимательно прислушиваясь к чему-то в стороне, внизу по течению. – Тот путь в общем короче, но больше идти по лесу, и места там опаснее. И эту дорогу я знаю лучше. Ладно, к делу. Главное правило: слушаться беспрекословно. Если я командую – делать. Молча. Я замираю – ты замираешь. Молча. Вопросы потом, когда разрешу. Ясно?

– всю дорогу молчать или до команды можно разговаривать?

– А ты сможешь? – улыбнулся он.

– Если необходимо, – пожала плечами.

– Не надо жертв, – фыркнул харр. – Можно говорить. Даже нужно, особенно перед тем, как за что-то схватиться. Но лучше всё-таки ничего не трогать, идти за мной след в след и не вешать уши. Всё, хвост клинком, двинулись.

Этот лес – или, правильнее сказать, «джунгли» – на первый взгляд не так уж сильно отличается от некоторых земных пейзажей. Вообще большая часть жизни, которую человечество встретило за время активного освоения космоса, построена на похожих принципах. Не вся, и встречаются очень странные формы, например, обитающие в водородной атмосфере газовых гигантов. Предполагают даже, что некоторые из них могут быть разумными, хотя разум этот настолько чуждый, что вступить с ним в контакт пока не получается.

Но в основном жизнь в галактике развивается в знакомом нам направлении, и никто до сих пор не может дать ответа на вопрос, почему так происходит. Откуда берётся эта жизнь? Существовала ли некая древняя цивилизация, «засеявшая» миры, или процесс это естественный, или всё дело в метеоритах, переносящих жизнь с планеты на планету, – споры не утихают. Гнут свою линию, конечно, и религиозные деятели, и сторонники теории хаоса, которые верят в самопроизвольное возникновение живого из неживого, всё никак не угомонятся.

Последние лично мне кажутся самыми странными, даже божественный замысел выглядит на фоне их идеи логичным и правдоподобным.

Как мы близки с харрами, так похожи наши планеты – не одинаковы, достаточно вспомнить тсоры и их сородичей, но и не так уж чужды. И тесное сплетение крон над головой, и рыхлый слой перегноя под ногами, и густой подлесок, занимающий весь доступный объём, – всё как на Земле. Зелёный и коричневый с вкраплениями других цветов – естественный, приятный глазу фон. А детали... Честно говоря, я слишком плохо знаю флору и фауну родной планеты, чтобы восхищаться или ужасаться различиями. Могу лишь наслаждаться видами.

Впрочем, одну особенность игнорировать не получалось: обилие радиосигналов, на приём которых была настроена сейчас шимка, чтобы понимать харров. Даже с её скудным диапазоном этих сигналов принималось столько, что я в итоге плюнула на взаимопонимание с аборигеном и отключила прибор, как мы делали и в прошлый раз. Словами Нидар общается, как-нибудь разберусь, а то чувство как посреди густонаселённого города – сплошные помехи. Интересно, каково было бы харрам с их чувствительностью где-нибудь в земном мегаполисе?

Первые шаги дались довольно легко, здесь лес оказался не очень густым. Я с удовольствием любовалась особенно приметными местными растениями – какие-то были знакомы по прошлому визиту, какие-то я видела впервые.

Например, вот эти яркие – от лимонно-жёлтого до морковно-оранжевого – воронки в мой рост, а то и выше, я хорошо запомнила. Они относились не к растениям и даже не к грибам, а к животным, причём трёхполым. Вот эти как раз являлись тем самым третьим полом, который «вынашивал» общее потомство, а двое других родителей, подвижных и больше похожих на зверей в нашем понимании, кормили и защищали своего третьего. Жили они небольшими группами поблизости от оседлых воронок.

Когда мы проходили мимо, пара стоящих на страже самцов приподнялась на задних лапах, провожая чужаков насторожёнными взглядами. Походили они на нечто среднее между тсором и оленем. Покрытые короткой бурой шёрсткой, с мощными задними ногами и более короткими и подвижными передними лапами, с красивыми оранжевыми венчиками на головах, в которые срослись длинные уши и нечто вроде рогов. Красота эта служила не только для привлечения внимания противоположного пола, но и вполне утилитарно, как антенна.

Потом деревья сблизилась, дорогу заступил густой подлесок и паутинные переплетения лиан, тропу укрыл плотный зелёный сумрак. Продвижение замедлилось, харру пришлось налечь на трок, отвоёвывая буквально каждый шаг. Впрочем, не похоже было, будто его всерьёз утомляет такая работа.

В этой чаще тоже нашлось на что посмотреть, только здешнее «население» вызывало скорее благоговейный трепет и опасения, чем восторг. Ветра здесь не было, но всё равно листья то и дело дрожали, постоянно звучали шорохи, тихий хруст, крики и писк, на фоне которых хлёсткие удары трока терялись, – жизнь кипела и бурлила, заставляя напряжённо озираться. Нидар казался совершенно невозмутимым, и то обстоятельство, что он настороже, выдавали только беспокойные уши и нервный хвост.

Я шла на два шага позади, чтобы не отставать и не лезть под руку. На мгновение замерла, когда сбоку, по ощущениям совсем рядом, пронзительно закричало нечто, очень похожее по звуку на человека, а когда развернулась...

– Нир? – окликнула напряжённо, потому что впереди рыжего не было. Сплошная зелёная стена без следа повреждений. – Нидар! – закричала громче, медленно отступая назад, потому что стена зашевелилась, потекла слоями длиннющих верёвок-щупалец. – Ты где? Ты там?!

Погуляли. Его что, сожрало... вот это?

И, похоже, не наелось, потому что щупальца стремительно двинулись по земле, явно намереваясь взять меня в кольцо.

– Ни-ир! – заорала в голос, лихорадочно соображая.

Не могу же я его бросить!

И куда бежать?! Да меня сожрут по дороге!

Но чем я могу помочь?! Вряд ли на это подействует «Оса», тем более когда она в рюкзаке...

Ближайшие щупальца с неожиданной прытью метнулись ко мне, и это стало последней каплей: ноги приняли решение вместо головы.

Прорубленная харром дорога оказалась отличным – и единственным – возможным путём отступления. Сзади слышались нечеловеческие крики и шелест, зелёное нечто явно продолжало преследование. Но оборачиваться и проверять, насколько оно близко, я не стала: не хватало ещё, как в плохом кино, споткнуться в этот момент, упасть и быть сожранной!

Сбавила темп я только тогда, когда сообразила, что позади всё стихло, а дыхание всерьёз сбилось. Быстро глянула через плечо, не увидела погони и, наконец, остановилась, чтобы оглядеться внимательней. От погони действительно удалось оторваться, и это была хорошая новость. Плохая... чаща с прорубленной тропой осталась где-то позади, и теперь я понятия не имела, где именно нахожусь. Вряд ли убежала далеко, но толку-то от этого?

– Приехали, – пробормотала себе под нос.

Лес притворился мирным и безопасным. Как будто ничего не случилось.

Вот же повезло с проводником... А такое хорошее впечатление производил! Вин... И что мне теперь делать посреди леса?! Я же понятия не имею, в какой стороне храм, тут же никакие средства навигации не работают!

Так. Стоп. Главное – не паниковать. У меня есть оружие и я пока жива, это главное. А если оружие есть, надо держать его наготове.

На этом простом деле я для начала и сосредоточилась. Нельзя останавливаться, нельзя позволять себе мрачные и унылые мысли, а то точно расклеюсь. Потом обдумаю, что и почему случилось, когда окажусь в безопасности, а пока надо шевелиться. Движение – это жизнь.

Сняла рюкзак, достала «Осу» и прикрепила кобуру к поясу. Рюкзак на место, проверить оружие. Так.

Теперь что? Теперь нужно определиться с дорогой. К храму соваться смысла нет, туда я точно не доберусь, даже если бы знала точное расположение. Значит, нужна река, цивилизация – за ней. Теперь самое сложное: определиться, с какой она стороны.

Я с тоской оглядела ближайшие деревья – толстенные, увитые лианами. Единственное, что приходило в голову, это залезть на одно из них и оглядеться оттуда, причём лезть надо на самое высокое. Как выбрать? Наверное, оно должно быть самым старым и толстым в окрестностях.

Вроде бы логично, да? И даже влезть можно, если постараться. Главное, чтобы лиана не оказалась ядовитой.

Я осторожно, с оглядкой, подошла к выбранному дереву, внимательно осмотрела, вспоминая всё то, что успела узнать о местной растительности, и пытаюсь определить знакомые опасные формы. Жаль, местная флора почти не описана нашими учёными: тут работы на многие годы не одному институту, а занимаются ей пара кафедр. Слишком много интересных живых планет и слишком мало биологов.

Подумав, я нацепила куртку, чтобы по возможности защитить кожу. Жаль, перчаток нет, они в мой список необходимого не вошли. Если выживу, непременно учту на будущее.

Лезть оказалось не так уж трудно. Будь это неохватное дерево голым, и мне бы осталось только походить вокруг, облизываясь, но природа подыграла и устроила почти лестницу, обтянув ствол лианами. Сложнее всего оказалось находить мысками ботинок просветы в густом зелёном ковре.

О постороннем я по-прежнему старательно не думала. Рука, рука, нога – толчок, вторая нога – толчок. Рука, рука, нога... Размеренно, не задерживаясь надолго, не зависая на одном месте, потому что от этого только сильнее устаёшь.

Как здорово, что я в хорошей физической форме. И как замечательно, что порой ходила ради собственного удовольствия на скалодром: до профи мне далековато, но путь наверх хотя бы не пугает, даже при отсутствии страховки. А как потом полезу вниз – лучше пока не думать.

– Стой, маленькая урши! – окликнул меня снизу знакомый голос. – Спускайся.

Я глянула через плечо вниз.

Ни дар. Живой.

На мгновение замерла, прикрыв глаза. Ткнулась лбом в лианы, пару раз глубоко вздохнула, задавливая в себе все эмоции – и хорошие, и плохие. А потом медленно и аккуратно двинулась в обратный путь: нога, нога, рука, рука...

Вниз своим ходом сложнее, чем наверх, это тебе не на страховке съехать, а забралась я на добрых метров тридцать.

– Цела? – спросил харр, к которому я подошла на подрагивающих от напряжения и облегчения ногах.

– Что это было? – спросила мрачно. Рыжий выглядел слегка потрёпанным, открытые участки кожи пестрели царапинами и какими-то бурыми пятнами. – Какого?..

– Крумикар, хищное растение, – ответил мужчина. – Его нельзя заметить заранее. Почему ты побежала, я же велел стоять! Он реагирует на движение и шум.

– Ты пропал! – проговорила, стараясь следить за голосом и не начать орать на своего единственного союзника здесь. – Только что был, я под ноги посмотрела, опять взгляд подняла – впереди зелёная копошащаяся стена! Откуда я могла знать, что нужно стоять?! – голос всё-таки негодуя взлетел.

– Я ратил, – чуть нахмурился он. – Ты же вроде понимаешь.

Негодование тут же сдулось, я почувствовала себя круглой дурой и виновато опустила взгляд.

– Я... в общем, я шимку отключила, много помех, – призналась нехотя. – Я же ею эти ваши сигналы улавливаю. Извини, надо было сказать. Я... сложно привыкнуть к этому вашему способу общения, да и в прошлый раз мы прекрасно обходились без них.

– Ладно. Главное, обошлось. Устала? – после короткой паузы проговорил Нир и ободряюще сжал моё плечо.

Не стал обострять и ругаться, предпочёл просто закрыть тему, и за это я была ему очень благодарна. Всё-таки хорошего мне проводника Бетро сосватал!

– Нормально, – поморщилась в ответ и всё-таки подняла взгляд на харра. – Ты как? Это не опасно? – показала на широкую ссадину на его плече.

– Нормально, – улыбнулся рыжий. – Он не настолько ядовитый. Пойдём.

– Я сильно увеличила наш путь? – спросила мрачно.

– Не особенно, – ответил Нидар спокойно, уверенно двинувшись в выбранном направлении. – Может, пару часов. Сейчас дойдём до ручья, попьём и немного отдохнём.

– Расскажи мне про этого крумикара. Что это?

Тварь оказалась из той экзотики, подобную которой на Земле точно не встретить, да и в местных джунглях это был редкий зверь. Аборигены считали её растением, а куда отнесли бы наши биологи – я не представляла, потому что упоминаний о ней не встречала. Не удивлюсь, если окажется, что наши с этим существом ещё не сталкивались.

Тело – или корневище – крумикара обычно пряталось под землёй, но могло при необходимости перемещаться, правда, медленно и на небольшие расстояния. Из него росло множество лиан-щупалец, которые тянулись вокруг «гнезда» на многие десятки метров и просеивали окружающее пространство, поджидая подходящую жертву. Зазевавшегося бедолагу щупальца хватали, спелёнывали и подтаскивали к туловищу, где в него впрыскивался яд, он же пищеварительный сок.

Реагировал крумикар на громкие звуки и быстрое движение, тогда как радиосигналы игнорировал вовсе, так что я своими воплями сделала только хуже.

– Выходит, я ещё и тебя подставила?

– Подставила... Наверное. Ты повела себя неправильно, но я ждал чего-то подобного.

– Извини, – вздохнула тяжело. – Я понимаю, что я тут скорее обуза, но...

– Никто не заставлял меня соглашаться, – спокойно пожал плечами мужчина. – Я прекрасно знал, за что берусь. Но, надеюсь, впредь ты будешь осторожнее.

– Я сделала выводы, – вздохнула нервно. – Спасибо, что не ругаешься. Только этого... крумикара тоже жалко, из-за меня пришлось убить редкого зверя...

– Убить его не так-то просто, – возразил Нидар. – Когда я порезал несколько лиан, он понял, что добыча не по зубам, и предпочёл отступить.

– Вот оно что, – задумчиво заметила я. – Говорят, звери не дерутся до последнего, это черта разумных.

– Спорно, – не согласился он. – Но для крумикара верно.

– А почему же они такие редкие, если такие осторожные? Мне казалось, вы бережно относитесь к собственной природе и не убиваете зверей массово, какими бы ценными они

ни казались, а само оно как будто достаточно живучее. Неужели есть ещё более страшный естественный враг?

– Насколько знаю, таких врагов у него нет, только паразиты, – легко признался Нидар. – Но я не знаю, как оно размножается. Может, сложность в этом?

– Логично. Да, и шимку я включила, и отключать не буду, можешь ратить, если что.

– Полезное устройство, – похвалил харр, оглянувшись через плечо. – И красивое.

– Да уж, что нам ещё остаётся, с такой-то несовершенной конструкцией организма! Только компенсировать устройствами, – усмехнулась в ответ и рассеянно потёрла лоб. От пережитого волнения, не иначе, опять разболелась голова. Только на этот раз уже вяло, тупо и назойливо – можно терпеть, но настроения не улучшает.

Перед привалом мы сделали ещё одну короткую незапланированную остановку: Нидар достал из рюкзака небольшой полотняный мешок и сложил в него несколько крупных ярко-фиолетовых овальных плодов, сорванных с травянистого растения вроде банана. На моё любопытство предсказуемо ответил, что это наш обед, отличный и питательный фрукт с длинным названием «тамрикартук», вполне пригодный и для людей: подобные харры выращивали целенаправленно и уже испытали на инопланетных гостях. А на ужин проводник пообещал поймать что-нибудь мясное.

До привала я шла, надеясь перетерпеть боль, и эта мысль отвлекала от всех прочих, в том числе – от анализа недавних событий и взглядов по сторонам. Шла, смотрела под ноги и на спину Нидара, боясь снова потерять его из виду, и на ходу массируя лоб, то виски, то мочки ушей, смутно припоминая, что что-то из этого должно облегчать неприятные ощущения.

Но то ли помнила неправильно, то ли это был не мой случай, но на привале пришлось лезть за аптечкой, устроившись по указанию проводника в паре метров от мелкого ручья прямо на земле. Воду, заверив в её безопасности, рыжий набрал сам в небольшой кожаный мешок и положил рядом.

– Что-то случилось? Поранилась? – насторожился Нидар. Похоже, старинный символ – красный крест на белом поле, который украшал небольшую сумочку, – мужчина знал.

– Голова болит, – пояснила спокойно. – С момента прибытия. Наверное, к новому миру привыкаю. Сегодня уже совсем слегка.

– Странно, – задумчиво качнул головой рыжий. Но продолжать расспросы не стал, рассёк первый фрукт трюком на две половины, обнажив нежно-розовую мякоть с крупными жёлтыми косточками. – На, попробуй. Шкурку не ешь, она противная и жёсткая, а вот семечки тоже можно погрызть, вкусно.

С сомнением оглядев липкую мякоть, которую харр умудрялся ловко выгрызть прямо так, я достала из рюкзака ложку. Мужчина понимающе усмехнулся.

Плод действительно оказался вкусным, нечто среднее между персиками и бананами, я даже узнала этот вкус, что-то такое на Индре уже пробовала. И сытным: к концу первого я почувствовала, что наелась.

Головная боль отступила ещё раньше, оставив после себя лёгкую слабость, апатию и – тоскливое уныние. В голову сразу полезли все те мысли, которые я с момента столкновения старательно от себя гнала. Я нахохлилась, зябко обняла себя за плечи; конечно, харр не мог этого не заметить. Он поднялся, чтобы снова набрать воды, а потом опустился на корточки рядом со мной.

– Ты точно в порядке? – хмурясь, спросил он. – Точно только голова?

– Голова уже прошла, – отмахнулась с недовольной гримасой. – Просто до сих пор я сначала бежала, потом на дерево лезла, потом мы шли и она болела, и как-то не до того. А сейчас...

– Что – сейчас? – окончательно растерялся мужчина.

– Нас чуть не сожрали! – вздохнула мрачно. – А я повела себя как полная дура, сразу же нарушила твоё распоряжение и только чудом не попала ещё кому-нибудь на зуб. Мерзкое ощущение. И я теперь не представляю, как дальше идти. И страшно, и тебя я, выходит, подвела...

– Не бойся, маленькая урши, – улыбнулся Нидар, как показалось, с облегчением и отечески-покровительственным жестом потрепал меня ладонью по макушке. – Не так всё плохо. И повела ты себя толково. На дерево осмотреться полезла? Или прятаться?

– Осмотреться. Я же понимала, что мы недалеко от реки.

– Хорошо. Ещё можно вдоль ручья идти, если такой попадётся, – сообщил мужчина. – Они тут все более-менее в подходящую сторону ведут, к реке выйдешь, а там понятно уже.

– Не нравится мне такой настрой, – вздохнула я и вымучила улыбку.

– Всякое может случиться, – философски возразил харр. – Но штуку эту свою не отключай, – он выразительно постучал себя пальцем по щеке. – К шуму быстро привыкнешь. Пойдём?

– Пойдём, – кивнула решительно и поднялась на слегка гудящие ноги. – Спасибо. Не знаю, правда, почему ты переменял мнение и не воспользовался поводом вернуться. Я же нарушила условия договора...

– А мне тоже уже захотелось туда пойти, давно не был, – улыбнулся проводник.

Остаток дня прошёл сравнительно спокойно. Во всяком случае, обошлось без серьёзных потрясений и, что радовало ещё больше, без ошибок с моей стороны. Харр нередко застывал, пропуская мимо каких-то животных. Пару раз я даже слышала, как что-то большое ломится сквозь заросли, и искренне радовалась, что ломится оно мимо.

Один раз получилось не мимо. О приближении чего-то большого возвестила нарастающая дрожь земли, ткнувшаяся под колени. Нидар замер, как делал это обычно, насторожённо вытянувшись и приподняв уши, потом резко скомандовал: «Ко мне!» – и сам кинулся к ближайшему толстому дереву.

Я не заставила себя ждать, хотя дальнейшие действия аборигена вызвали вопросы. Он вжал меня в оплетающие ствол лианы так, что дышать стало больно, крепко вцепился в живые верёвки и, кажется, постарался стать по возможности плоским. Даже прислонился к зелени щекой, расфокусированно глядя прямо перед собой.

Дрожь земли всё больше нарастала, а я, не рискуя задавать вопросы, рассеянно размышляла о строении мышц харров. С ходу и не определишь, что твёрже, рыжий или дерево за спиной.

Интересно, а люди тоже такими бывают? Вот так крепко обнимали меня всего трое мужчин в жизни: двое парней, которые хоть и были дружны со спортом, но всё же не настолько, и отец, который силён, как бык, но он большой и довольно мягкий. Тех же, кто вёл подобный харрову образ жизни, я вообще среди знакомых вспомнить не могла. Ну разве что среди отцовских друзей найдутся, кто-нибудь вроде спецназовца дяди Майка, но лезть к ним с обнимашками мне никогда не приходило в голову.

Эти отстранённые мысли не мешали с интересом разглядывать вблизи гладкий подбородок мужчины, широкий нос, серебристо-серые тонкие пруттики вибриссы, из-за которых слегка искажалась форма челюсти и скулы – наверное, там крепились дополнительные мимические мышцы, позволявшие двигать ратами. С одной стороны, интересно опять задаться вопросом, нахожу я чуждые лица аборигенов красивыми или нет, а с другой – в моём положении больше и смотреть не на что.

– Замри, – шёпотом велел Нидар, когда сверху посыпалась какая-то труха.

А потом заросли затрещали, выпуская существо размером со слона, только шире, массивней, покрытое тяжёлыми роговыми пластинами брони. Следом за ним – ещё и ещё, они пронеслись мимо, появляясь из-за закрывающего нас дерева, так что морды я рассмотреть не

могла. Некоторые пробежали очень близко, иные даже задевали боком дерево, отчего то вздрагивало и лианы под моей спиной дёргались. Над головой истошно верещала какая-то живность.

Один зверь налетел прямо на ствол, с рёвом проскреб кору, разрывая лианы не то бивнем, не то просто боком. К счастью, харр успел перехватиться, рванув меня за собой. Правда, вжал в дерево ещё крепче, но жаловаться не приходилось: такие туши размажут по земле и не заметят, а сама я бы точно не удержалась. Только возможности смотреть по сторонам не осталось вовсе, теперь перед глазами было горло, ключица и плечо харра, а в висок и щёку впечаталась лямка его рюкзака.

К счастью, долго это не продлилось. Стадо прошло, пробежала пара отстающих. Нидар для порядка выждал ещё десяток секунд и отстранился.

Я шумно вдохнула, закашлялась и едва удержалась от того, чтобы тихонько стечь по стволу дерева харру под ноги. Тот, кажется, что-то прочитал по моему лицу, потому что придержал под локоть и обеспокоенно спросил:

– Ты в порядке?

– Да, сейчас буду, погоди, – закивала, на всякий случай цепляясь свободной рукой за лямку его рюкзака. – Ну ты силён, а... И твёрдый – жуть! Такое ощущение, что меня между двух деревьев зажало!

Отвечать на это рыжий не стал, только улыбнулся иронично, а через несколько секунд я достаточно выровняла дыхание, чтобы уверенно держаться на ногах.

– Всё, отпускаяй, я вроде жива. Что их так испугало? А то, может, нам тоже стоит куда-нибудь поспешить?

– Что угодно, – отмахнулся мужчина. – Серьёзная беда согнала бы всех, а не только багрумов.

Хотя смотрел он в ту сторону, откуда пришло стадо, слишком задумчиво и внимательно, чтобы я могла вот так с ходу поверить.

– Ты уверен?

– Пойдём, – он недовольно дёрнул хвостом.

Настаивать не стала, хотя про себя и отметила оставленный без ответа вопрос.

На ночлег остановились в десятке метров от берега небольшой речушки. Как объяснил харр, подобные частой сетью пронизывали лес, вытекая из раскинувшихся чуть в стороне болот, которые нам предстояло обойти по самому краю. Для ночлега Нидар с поразительной ловкостью и быстротой устроил небольшой шалаш из живых веток раскидистого куста, которые хитро загнул к земле и накрыл крупными широкими листьями найденной неподалёку пальмы.

Охота у мужчины тоже не заняла много времени, а меня он освободил даже от сбора топлива, оставив «стеречь лагерь». Найти сушняк тут было проблематично, поэтому для костра предполагалось использовать определённые местные породы деревьев – смолистые, они хорошо горели и в сыром виде.

– Чувствую себя совершенно бесполезной, – проворчала я, наблюдая, как сноровисто Нидар разделяет в стороне от разгорающегося костра тушку какого-то мелкого зверька. – Я точно ничем не могу помочь?

– Зачем? – Мужчина ответил насмешливым взглядом. – Я сам могу всё сделать.

– Я понимаю, но всё равно... Неудобно. Я мало того что днём дел наворотила, так ещё теперь сижу, спам читаю...

– Что? – явно озадачила его последняя конструкция.

– Бездельничаю, – перевела на литературный язык.

– Маленькой урши скучно? – тихо засмеялся он.

– Маленькой урши стыдно, – возразила упрямо.

– Стыдно было бы мне, если бы я не смог позаботиться о женщине, за которую принял ответственность, – качнул головой Нидар. – Я ведь уже согласился проводить.

– Это у вас такие отношения между полами, – отмахнулась я. – А мы три века назад вообще прошли этап утраты значения института семьи, потом уже одумались. Ладно, неважно. Меня учили, что плохо бездельничать, когда другие работают, и мне от этого не по себе. Какая разница, женщина я или нет? Я тебя сюда потащила как защитника и проводника, а не кухарку и личную служанку. Я не совсем беспомощная, честно!

Харр искоса глянул на меня с непонятым выражением лица, немного помолчал.

– Ты обещала слушаться. Вот слушайся: отдыхай. Идти долго, успеешь ещё устать.

– Подловил, ладно! Действительно, обещала, – признала я, но сдаваться не спешила. – Тебе-то чем плохо, если я помогу?

– А мне будет стыдно, если я сам не справлюсь с такой мелочью и заставлю делать что-то слабейшего.

– А как же слабейший станет сильнее и чему-то научится? – спросила я вкрадчиво.

– Хитрая и упрямая маленькая урши! – засмеялся рыжий. – Учиться хочешь?

– Учись всегда, учись везде... А дальше не помню, но точно какой-то умный человек сказал, – отозвалась весело.

– Иди сюда, – посмеиваясь, позвал харр. – Будешь учиться квикока разделявать.

Два раза повторять я не заставила, пересела ближе, на ходу доставая из кармана складной нож – просто на всякий случай, а то троком я скорее себе полруки отхвачу, чем что-то тушке.

Орудие труда Нидар отобрал, с интересом осмотрел, проверил заточку и вернул с явным одобрением, после чего я уже с полным правом и с согласия мужчины принялась ему мешаться. Ну то есть учиться, конечно, но один бы он точно быстрее управился. Хотя сам проводник показал себя очень хорошим, терпеливым учителем: не рычал, не ругался, всё больше посмеивался. Когда я совсем уж откровенно делала что-то не то, он просто брал мою руку в свою и показывал нужное движение наиболее доходчиво. При этом мой кулак с ножом помещался в лапище харра целиком.

– Слушай, Нир, а сколько тебе лет? – спросила я.

Квикок к этому моменту был разделан, щедро смазан соком очередного растения в качестве маринада, нанизан на тонкие прутики и ждал своего часа завёрнутым в пальмовые листья у разгорающегося костра, возле которого Нидар забил в землю четыре рогатины.

– Двадцать четыре. Почему ты спросила?

– Так это, выходит, мы почти ровесники, – запнулась, пересчитывая на привычные годы. – Мне по-вашему где-то двадцать один. А спросила... Думала, может, ты старше в два раза, может, срочно пора отращивать почтительность.

– Почему ты так решила? – искренне удивился харр.

– Ты как-то странно ко мне относишься, «маленькой» вот называешь.

– А что, большая? – рассмеялся он и выразительно приподнял кисть моей руки, аккуратно удерживая двумя пальцами. Тоже, видимо, обратил внимание на соотношение размеров.

– Для своего вида – вполне среднестатистическая, – пожала плечами. – Это ты просто здоровенный, даже в сравнении с остальными харрами.

– Я мало общался с урши, и это были мужчины, – спокойно пояснил он. – Они больше и не кажутся такими забавными.

– Ну да, Бетро упоминал, что ты нас очень не любил, – вспомнила я, не обратив внимания на последнее замечание. Мне, может, тоже забавно на его хвост и уши смотреть, чего тут стесняться!

– А за что вас было любить? – Взгляд Нидара стал серьёзным, тяжёлым. – Урши убили моих родителей и брата. Я тогда был совсем мальчишкой.

– Извини, – пробормотала я неловко, опуская глаза. – Я как-то не подумала об этом.

– Зачем ты всё время просишь прощения? – после короткой паузы спросил он. – Ты же не имеешь к этому отношения.

– Извини, это... Тьфу! Форма вежливости такая, – пояснила со вздохом. – Я извиняюсь не потому, что виновата в тех событиях, а потому, что напомнила тебе о них, заставила испытать неприятные эмоции. Ещё у нас часто извиняются за беспокойство, обращаясь к кому-то. Вежливость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.